

ИГОРЬ ЕВТИШЕНКОВ

РИМСКАЯ САГА

ВОЗВРАЩЕНИЕ В РИМ

Игорь Евтишенков

Римская сага. Возвращение в Рим

«Издательские решения»

Евтишенков И.

Римская сага. Возвращение в Рим / И. Евтишенков —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-745087-8

Надежда вернуться домой ещё никогда не была так близка к реальности, как сейчас. Однако дорога домой оказывается не такой короткой, как кажется. Лацию приходится стать воином и сражаться рядом с новыми боевыми товарищами. Недалеко от границ римской провинции Азия он встречает друзей, которых давно считал погибшими, и теперь больше, чем когда-либо, горит желанием принести пользу своему городу и народу, однако многие его наивные порывы не находят отклика у граждан Рима.

ISBN 978-5-44-745087-8

© Евтишенков И.
© Издательские решения

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
Римская сага. Возвращение в Рим. Том VI	7
ГЛАВА I. НОВЫЙ ПУТЬ НАЧИНАЕТСЯ С ПРЕДАТЕЛЬСТВА	8
ГЛАВА II. В ПОИСКАХ ЛОДКИ	11
ГЛАВА III. ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА С ПРОШЛЫМ	14
ГЛАВА IV. ОБВИНЕНИЕ В КРАЖЕ	19
ГЛАВА V. ИГРЫ В КАМЕШКИ И ЗНАКОМСТВО С БРАТОМ РАДЖИ	23
ГЛАВА VI. НОВАЯ ЖИЗНЬ ВО ДВОРЦЕ	25
ГЛАВА VII. ПОРАЖЕНИЕ РАДЖИ И ЗНАМЕНИЕ ЮПИТЕРА	28
ГЛАВА VIII. НАВСТРЕЧУ НОВЫМ БИТВАМ	30
ГЛАВА IX. СРАЖЕНИЕ С ВОЙСКОМ ПАДИШАХА	33
ГЛАВА X. МУДРОЕ ПЕРЕМИРИЕ	39
ГЛАВА XI. ПОБЕДА ПРЕВРАЩАЕТСЯ В ПОРАЖЕНИЕ	42
ГЛАВА XII. ТРУДНЫЙ ПОЕДИНОК	47
ГЛАВА XIII. В ОЖИДАНИИ КАЗНИ	49
ГЛАВА XIV. СПАСИТЕЛЬНОЕ БЕГСТВО ИЗ СТОЛИЦЫ РАДЖИ	53
ГЛАВА XV. НЕ КОПАЙ ДРУГОМУ ЯМУ, САМ В НЕЁ ПОПАДЁШЬ	56
ГЛАВА XVI. БЕГЛЕЦЫ И ПРЕСЛЕДОВАТЕЛИ МЕНЯЮТСЯ МЕСТАМИ	61
ГЛАВА XVII. ДОЖДИ И БОЛЕЗНИ	65
ГЛАВА XVIII. СТАТУИ БОГОВ И ИСПЫТАНИЯ НА МОРЕ	68
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Римская сага Возвращение в Рим

Игорь Евтишенков

Дизайнер обложки Сергей Борисович Гусев

Корректор Ирина Юрьевна Бралкова

© Игорь Евтишенков, 2023

© Сергей Борисович Гусев, дизайн обложки, 2023

ISBN 978-5-4474-5087-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРЕДИСЛОВИЕ

Идея этой книги основывается на реальных исторических событиях, а также ряде исследований Дэвида Харриса и Х. Дабса, которые установили, что в I веке до н.э. на территории провинции Гуаньсу был построен город Лицзянь, что соответствует китайскому названию Рима. Это название также встречается в списке городов, датированном 5 г. н. э. Этот город, предположительно, построили римские легионеры, которые попали в Китай после поражения армии Красса в 53 г. до н. э.

Также сведения о пленных легионерах содержатся у Плутарха в биографии Красса, где он пишет, что парфяне отправили их в город Маргиану или Мерв. Из Мерва те попали к хунну, которые проживали на территории современного Казахстана и Туркменистана. Там легионеры принимали участие в строительстве столицы хунну на реке Талас, в 15 км от современного города Джамбул. В 36 г. до н. э. этот город был разрушен китайским генералом Таном, и римляне оказались в плену в Китае.

Упоминание об этих людях есть и в «Истории ранней Хань» китайского историка Бая. В 1989 г. профессор Гуань Ицюань с исторического факультета Института национальностей, г. Ланьчжоу, представил новые карты, на которые нанёс ещё четыре города, основанных жителями Лицзяня. Согласно его топонимическим исследованиям, город Лицзянь был впоследствии переименован в Цзелу, что означает «пленники, захваченные при штурме города».

Римская сага. Возвращение в Рим. Том VI

Надежда вернуться домой ещё никогда не была так близка к реальности, как сейчас. Преодолев горы и выйдя к большой реке, главный герой по-настоящему начинает верить в своё спасение и возможность увидеть Рим. Его путь пролегает через Индию, где Лацию вновь приходится столкнуться с жадностью и завистью живущих там людей. Одним из них оказывается предатель Андромах, с которым судьба свела его в торговом индийском городе. Дорога домой оказывается не такой короткой, как кажется. Лацию приходится вновь стать воином, командовать и сражаться рядом с новыми боевыми товарищами, использовать хитрость и опыт, а в конце спастись бегством от своих бывших благодетелей. Недалеко от границ римской провинции Азия он встречает друзей, которых давно считал погибшими, и теперь больше, чем когда-либо, горит желанием принести пользу своему родному городу и народу, однако его искренние порывы не находят отклика у граждан Рима. На родине Лацию приходится столкнуться с новыми трудностями, которые оказываются гораздо сложнее войн, предательства и зависти. Одной из таких загадочных проблем является странный знак на плече, смысл которого не даёт ему покоя всю жизнь.

© Евтишенков И. Н., 2015

www.igoryevtishenkov.com

www.theromansaga.com

ГЛАВА I. НОВЫЙ ПУТЬ НАЧИНАЕТСЯ С ПРЕДАТЕЛЬСТВА

– Нет, нет, не надо! – замотал головой Лаций, почувствовав, что кто-то пытается снять с него амулет. В ответ он получил удар по голове. Добившись своего, полуголый рыбак прошёл на корму и протянул кожаный ремешок человеку со странной лентой на голове. Тот покрутил медальон в руках, попробовал на зуб, постучал о борт лодки, зачем-то посмотрел сквозь него на солнце и, в конце концов, повесил себе на шею.

Второй рыбак в это время доставал из мешка Лация разные вещи, пока тот без движения лежал на толстых бамбуковых палках, прикрывавших дно и скопившуюся под ними тухлую воду. Лоб упирался в борт. Ноги были связаны в коленях, а руки – в кистях. К шее их не привязали. Полуголые худые грабители вели себя спокойно. Интуиция подсказывала, что скоро от него избавятся. Поэтому надо было достать нож из сапога. Сделать это было непросто, но он старался изо всех сил. Сначала подтянул ноги к груди, затем опустил руки вниз. Медленно и осторожно.

Когда чёрное лезвие оказалось в руках, Лаций стал осторожно резать им толстую верёвку. Сзади послышался шум – это один из рыбаков направлялся на корму. Проходя мимо, он толкнул его ногой в спину и что-то сказал. Теперь на корме лодки было три человека. Ещё двое оставались на носу. Все были заняты своими делами и не смотрели в его сторону. Лаций осторожно продолжил резать колючую верёвку. Вскоре она поддалась, и давление на колени сразу ослабло. Теперь надо было перевернуть нож и зажать его между коленей, чтобы освободить руки.

Через какое-то время одна из петель была разрезана, но остальные не поддавались. Верёвка, казалось, была сделана из дерева. В этот момент разбор вещей из его мешка закончился, и главный рыбак что-то сказал своим людям. Те с недобрыми ухмылками направились к Лацию. Он сделал несколько отчаянных движений, и острое лезвие разрезало ещё одну петлю. Когда первый худосочный незнакомец схватил его за ногу, Лаций уже почти полностью освободился и успел перехватить нож в правую руку. На узких, блестящих от пота лицах промелькнуло удивление. Они остановились, и один рыбак что-то крикнул через плечо назад. С кормы прозвучал резкий грубый ответ. Нападавшие взяли длинные вёсла и неуклюже вытянули их вперёд. Сзади к ним поспешили на помощь ещё два товарища.

Лаций не стал ждать, когда они нападут первыми. Он схватил рукой одно весло и дёрнул его на себя. Первый рыбак упал на колени и сразу получил удар ножом в спину. Второй попятился назад и, споткнувшись, упал спиной на борт. Однако вид крови на спине товарища заставил его вскочить. Корчась от боли, темнокожий рыбак перепрыгнул через край и, плюхнувшись в воду, поплыл в сторону ближайшей лодки.

Однако к Лацию уже спешили два других смельчака. У них не было вёсел, но они были уверены в своих силах и даже попытались нанести несколько ударов короткими острыми палками, похожими на длинные дротики. Они не обратили внимания, что их противник держал в руках уже два ножа. И сначала один рыбак упал на дно, глядя широко раскрытыми глазами на торчащий из груди кусок железа, а затем другой, схватившись за живот, заорал диким криком и, опустившись на колени, скрючился рядом, пытаясь вытащить лезвие скользкими от крови руками. Лаций сделал это сам. Тот, не шевелясь, смотрел на него выпученными глазами и беззвучно шевелил губами.

– Буйао ша во¹! – взмолился обладатель грязной повязки на голове, плохо произнося ханьские слова, и теперь уже пришла пора удивляться Лацию.

– Что ты сказал? – переспросил он.

– Не убивай меня! Это он сказал убить тебя. Твой друг сказал. Он дать это мне! – дрожащими руками рыбак вытащил из-за пояса клочок ткани, в которую были замотаны несколько блестящих камней. – Это много. Это много-много! Рыба не надо. Лодка не надо. Это много... – продолжал лепетать он, и Лаций, задавая простые вопросы, понял, что сын знахаря втайне заплатил этим рыбакам за его смерть.

– За что? Что он сказал? Почему убить? – допытывался он у главаря.

– Ты – плохой человек. Ты очень много плохо, – повторял одно и то же темнокожий предводитель, протягивая ему камни. – Ты брать это всё, брать! Я жить. Не убивай меня! – он упал на колени и прижался лбом к днищу лодки. Лаций медленно опустился на толстую балку, служившую лавкой, и на какое-то время замолчал.

Перед глазами пролетели долгие месяцы жизни в хижине старого знахаря, разговоры с ним и его внучкой, странное желание научить их чужому языку и многие другие подробности, на которые он тогда не обращал внимания. Почему отец Бобо не отдал его старшему внуку? Зачем отправил в такую даль со своим сыном, подвергая того опасности? Зачем вообще вылезил, если в итоге всё равно отправил на смерть? Или, может, это Бобо сам решил так избавиться от него? Но зачем? Получалось, что старый знахарь Дао Цань не хотел убивать его в своём доме, но и не хотел, чтобы он оставался с ними. Более того, он зачем-то хотел, чтобы старший внук тоже ничего не узнал. Как будто стремился избавиться от него чужими руками...

– Я – плохой человек... Хорошо. Дай подумать, – обращаясь скорее к самому себе, чем к рыбаку, хмуро произнёс Лаций. Несколько камешков с трясущейся ладони перекочевали в мешочек у него на поясе. Потом на место вернулся амулет. Оглянувшись по сторонам, Лаций показал жестами, что все лодки должны подплыть к берегу. Полуголый главарь встал и прокричал несколько слов своим людям. Утлые судёнышки медленно направились к берегу. Там рыбаки вышли на песок, и Лаций снова показал, что делать дальше. Рыбаки закричали и стали махать руками, но их предводитель грозно прикрикнул, после чего они с явной неохотой столкнули пустые лодки в воду и вернулись на берег. Когда течение унесло их довольно далеко, он протянул весло вождю и сказал: – Давай, будем грести, – и для наглядности показал, как опускает его в воду и гребёт. Вскоре люди в набедренных повязках остались позади, и Лаций, наконец-то, смог расслабиться. Он снял рубашку и тёплые высокие сапоги. Пленника с лентой на голове пришлось привязать на корме, чтобы можно было спокойно поплавать в тёплой воде. Когда он снова забрался в лодку, изумлённый рыбак стащил с головы свою ленту и вытер пот с лица.

До большой реки они добрались за пять дней. По пути пришлось несколько раз останавливаться, чтобы пополнить запасы еды. На берегу Лаций охотился на разноцветных птиц и однажды поймал какое-то странное животное, похожее на свинью с большим носом. Мясо было жёстким, но съедобным, поэтому они особо не голодали.

Когда лодка плавно вошла в течение Ганга, вдалеке показались такие же утлые судёнышки. Это говорило о том, что поселения людей располагались совсем близко. Река Сианг до этого, была шире, чем Ганг, в который она впадала.

Так они проплыли мимо нескольких деревень, и возле каждой бывший вождь показывал ему жестами, что надо грести ним. Но Лаций чувствовал, что в таких местах будет небезопасно. Причалив однажды к безлюдному берегу, он попытался нарисовать на песке стены города и ворота, пытаясь объяснить своему странному пленнику, что ему надо, но тот только

¹ Не убивай меня (кит.).

качал головой и озадаченно бубнил непонятные слова. Отчаявшись, Лаций вздохнул и бросил палку на песок.

– Как же тебе ещё сказать, а? Оливка ты переспевшая! Варвар, одно слово... – расстроенно заключил он, глядя на бронзовое лицо с испуганными глазами. – Город мне нужен, город. Ченгши, даа ши², понимаешь? Нет... Цивитас магна³, оливковая твоя голова! Мегали поли⁴! Что, тоже не знаешь? – говорил он на разных языках, но всё было тщетно.

Рыбак испуганно мотал головой, но вдруг замер и тихо что-то сказал. Потом повторил громче и осторожно поднял взгляд на Лация.

– Оливас... – тихо сказал он.

– Оливас? Оливка! Ха! Где ты это слышал? Где? – он схватил его за голое плечо и стал трясти, но тот не понимал. Только когда Лаций отпустил рыбака, тот показал на реку и повторил:

– Оливас, – затем поднял руку и зажал два пальца. Три других остались торчать. Далее последовали непонятные слова, и Лаций с трудом догадался, что три раза открывать глаза и три раза закрывать означает три дня.

– Три дня... – пробормотал он. – Ну что ж, гребём, Оливка! Буду тебя теперь так называть, – он показал на себя и сказал: – Лаций! – потом положил руку на худое плечо рыбака и произнёс: – Оливка!

Бывший вождь закивал головой и несколько раз повторил это слово. Несмотря на его внешнюю покорность и полное подчинение, Лаций всё равно не доверял этому человеку. Поэтому ноги у того были постоянно связаны. А ночью он ещё связывал ему руки и привязывал конец верёвки к своей руке.

– Деос консервант омниа, сед фунис нон носет⁵! – повторял он каждый раз и укладывался поудобней, упираясь спиной в борт.

² Город, большой город (кит.).

³ Большой город (лат.).

⁴ Большой город (греч.).

⁵ Боги всё видят, но верёвка не помешает (лат.).

ГЛАВА II. В ПОИСКАХ ЛОДКИ

Стены города появились неожиданно. Они были такими маленькими, что, скорее, напоминали невысокую насыпь, чем серьёзное ограждение. Лаций увидел их первым и долго смотрел вдаль, замечая всё больше и больше следов большого поселения. Сначала показалось много маленьких лодок. Затем стали видны суда побольше, с мачтами и длинными вёслами, торчащими вверх, как копья легионеров. Их было около десятка. За ними виднелся пологий берег и дома. Наконец-то он увидел дома! Лаций радостно вздохнул и улыбнулся.

– Оливас, – послышался сзади дрожащий голос. Рыбак показывал на город.

– Да, Оливка, – согласился он. – Теперь надо найти там людей. . . – лодка ткнулась носом в берег, не доплыв до пристани двести шагов. – Пошли, Оливка! Только дай я тебя обвяжу, – Лаций привязал верёвку к поясу бывшего вождя и, проверив узел, подтолкнул его в спину. – Пошли, пошли!

Ближе к пристани им стали попадаться такие же полуголые и босые люди, как и его пленник. Они с удивлением смотрели на Лация, и, оборачиваясь, негромко переговаривались, кивая в его сторону. Все люди здесь были такими же маленькими, как и рыбаки, к которым вывел его проводник Бобо. Чуть дальше, в городе, стали появляться мужчины в длинных рубашках и обуви.

Лаций спрашивал своего спутника только одно слово – «оливка» – и показывал то на один, то на другой дом. Но тот отрицательно кивал головой и вёл его дальше. Почти все, кто встречался им на пути, останавливались и провожали его удивлёнными взглядами. Лаций уже начинал испытывать раздражение, когда они, наконец, свернули между домами и вышли к длинным большим навесам, под которыми сидело много людей.

– Оливка, – кивнул рыбак и посмотрел на них. Лаций подошёл поближе и обратился к людям на своём языке:

– Здесь есть римляне? – в ответ повисло напряжённое молчание. – Кто-нибудь понимает меня? – но ему снова никто не ответил. – Может, греки есть? – попробовал он ещё раз. – Греки, люди из Греции здесь живут? Купцы, ремесленники есть?

К нему подошёл худой старик, весь седой, с длинной бородой и слезящимися глазами. Он посмотрел Лацию в лицо и что-то сказал на непонятном языке. Рыбак тоже повторил эту фразу. Старик, тем временем, повернулся, и Лаций понял, что надо идти за ним. Через некоторое время они подошли к глиняному дому с плоской крышей. Проводник кого-то позвал, и из ворот показался невысокий черноволосый мужчина с кучерявыми волосами и такой же бородкой. Он окинул взглядом Лация и его спутника, затем что-то спросил у старика и снова посмотрел на Лация.

– Ты откуда, чужеземец? – спросил он на греческом, и Лаций от радости чуть не бросился его обнимать. Сдержавшись, он улыбнулся и постарался как можно спокойней ответить:

– Я из Рима. Я – римлянин. Меня зовут Лаций Корнелий Сципион. А ты кто?

– Я – купец. Меня зовут Бахрат. Я живу здесь и торгую шёлком, – он с интересом посмотрел на мешок в руках Лация. Там тихо звякнули ножи. У Лация отлегло от сердца – этот человек был действительно купцом, потому что принял этот звук за звон монет. Он сразу пригласил его в дом. Рассказав Бахрату о нападении рыбаков, Лаций выслушал несколько таких же историй в ответ. Купец не был удивлён произошедшим. Вождя рыбаков он как-то быстро и небрежно предложил продать местным торговцам. Те лучше знали, как получить пользу от такого человека.

Дальше разговор зашёл о кораблях и торговле с Индией. Бахрат начал хвалиться, что он – самый лучший торговец, на побережье все его знают и он может достать любой товар для любого покупателя. В городе было около десятка купцов, которые ездили в Индию и дальше,

в Парфию. Они знали много греков в других полисах. Эти города располагались дальше на побережье. Купцы здесь старались передвигаться по морю, вдоль берега. Через горы туда было не попасть, а по земле – опасно.

Когда Бахрат узнал, что товар Лацию не нужен, а надо просто отвезти его в Индию и дальше – на юг Парфии или в Сирию, то притворно загрустил. Предложение заплатить за лодку сразу изменило его настроение, и он с радостью согласился, несколько раз с любопытством и жадностью посмотрев на лежавший на полу мешок. Лаций потряс им, и ножи на дне глухо зазвенели, приведя кучерявого торговца в состояние восторга. Показав ему несколько камней, Лаций понял, что совершил ошибку. Тот сразу вскочил и нервно заходил по небольшой комнате. Было видно, что он волнуется и не может скрыть свою жадность.

– Наверное, этого будет мало. Мои лодки ходят только до острова тигров. Там опасно. Надо брать уже большой корабль. Э-э... это стоит дороже...

– Я понял тебя, гостеприимный Бахрат, – произнёс Лаций с сожалением и искренней печалью в голосе. – Тогда мне надо пойти на пристань. Там, наверное, есть лодки поменьше. Они смогут взять меня за три-четыре камня.

– О, не спеши, не спеши, мой друг! Ты долго был в дороге, тебе надо отдохнуть. Останься в моём доме до утра. А завтра всё решим. Может, я найду хороший товар, который тоже надо будет отвезти к острову. Хорошо?

– Хорошо. Ты прав. Я долго не спал. К тому же мне надо принести жертву богам за счастливое освобождение и поблагодарить их за то, что они послали тебя! – улыбнулся Лаций.

– О, как ты говоришь! Как красиво! Благодарю тебя! Располагайся, ложись. Вот вода, когда проснёшься, тебе принесут еду.

Лаций согласился, но напряжение не исчезало. Он подошёл к двери и увидел, что купец вывел бывшего вождя племени рыбаков за ворота и долго с ним разговаривал. А потом развязал верёвку. Оба что-то друг другу доказывали, размахивая руками. Бахрат, судя по интонации, стал задавать вопросы. Лацию казалось, что он начинает понимать, о чём они говорят, и разговор этот был совсем не о том, как ему помочь. Наконец разговор закончился, и они ушли в сторону реки.

Интуиция подсказывала, что надо что-то делать, и он колебался, не зная, стоит ли уйти сейчас или лучше вечером. Вечером на пристани вряд ли можно будет встретить купцов или людей, которые бы говорили по-гречески. Значит, бояться было нечего. Эта мысль оказалась решающей, и, осторожно приоткрыв маленькую дверь, он покинул дом жадного купца.

За воротами было тихо. Как ни странно, Лаций чувствовал себя спокойно, и сердце стучало чуть быстрее не из-за страха и опасности, а из-за жары и быстрой ходьбы.

На небольшой рассохшейся пристани никого не было. Первая мысль была о том, что все спрячутся под навесами, но где искать владельцев лодок, Лаций не знал. Он прошёлся по двум близлежащим улочкам, но там ему встречались, в основном, полуголые жители, очень похожие на рыбаков. У них он не хотел ничего узнавать и поэтому снова вернулся к реке. Подойдя к одной из больших лодок, он заметил, что в ней под сложенным парусом лежит человек.

– Эй, в лодке! – крикнул он, но незнакомец не ответил. Тогда Лаций решил рискнуть и перелез через борт. Подойдя к парусу, он толкнул выпуклую часть, которая, по его догадкам, должна была быть спиной, и снова позвал: – Ты живой? А?

Человек вздрогнул и сжался в комок. Потом, видимо, поняв, что его видят, высунул голову и испуганным голосом сказал:

– Меня нет. Я здесь не спать. Я упасть.

– Что? – опешил Лаций. По внешнему виду это был такой же рыбак, как и все остальные, но он говорил по-гречески! Значит, он с кем-то говорил на этом языке. – Ты кто? – спросил он.

– Я – раб. Мой хозяин хороший. Я любить его. Я – раб...

– Подожди ты! Где твой хозяин? – оборвал его Лаций, но в этот момент у него за спиной раздался хриплый голос, в котором было что-то неуловимо знакомое и одновременно пугающее.

ГЛАВА III. ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА С ПРОШЛЫМ

– Ну я его хозяин! А ты кто такой? А? Что ты делаешь в моей лодке?

Лаций вздрогнул, не понимая, почему всё внутри вдруг сжалось и напряглось. Он не видел говорившего с ним человека, но был уверен, что где-то уже слышал этот голос. Он повернулся и медленно поднял взгляд. Перед ним стоял невысокий толстый человек. На длинной рубахе, прямо посреди груди, виднелось мокрое пятно. Кучерявая борода соломенного цвета доходила до круглого, выступающего живота; лысая голова с большими конопутками на лице блестела от пота, и только над ушами, как напоминание о беззаботной молодости, виднелись редкие завитушки, оставшиеся в наследство от прежних густых волос. Широкое лицо и мясистый нос говорили о том, что их хозяин был любитель поесть, а внимательный, цепкий взгляд выдавал в нём опытного торговца. Лаций смотрел на него и никак не мог вспомнить, где же он видел это широкое лицо, круглый живот и короткие руки с толстыми пальцами? И это кряхтенье, как будто постоянно что-то болит? Он с трудом заставил себя опустить глаза и ответил:

– Мне надо попасть в Сирию.

– Да-а-а?! – с издёвкой протянул громадный жирный живот.

– Да. Говорят, сначала надо доплыть до острова тигров, а потом до устья реки Инд.

– Ха-ха-ха! – рассмеялся толстый незнакомец и закашлялся. – Ты знаешь названия рек! Вот это да! Откуда же ты такой взялся? Ну и плыви тогда сам, раз тебе так сказали! Ишь, какой умный! Что ж ты в мою лодку забрался? Или ты хочешь украсть мой товар? – в голосе торговца прозвучала угроза.

– Нет, нет, я просто хотел найти лодку, чтобы меня взяли с собой, – честно признался Лаций.

– Что, что?! – опешил толстяк. – С собой? Да ты кто такой? Я знаю здесь всех местных греков. Но тебя не припомню. Откуда ты взялся?

– Я... Я... – Лаций чувствовал неясную тревогу, которую вызывал этот человек, и поэтому сказал первое, что пришло в голову: – Меня зовут Ла Цзы. Я жил у жителей Сина-рума⁶. Там я учился выращивать рис и тутовые деревья. Ещё делал тонкие чашки и горшки из белой глины... Я изучал язык ханьцев. Ещё, как они делают краски из камня и ловят жемчуг...

– Я ни разу тебя там не видел. В каких портовых городах ты жил? – с подозрением в голосе спросил торговец.

– Я жил в Зангке и Йижоу. А товары мы отправляли в Джиаожи и Джиужен. Но сам я там не был.

– Вот я и вижу, что не был. В этих городах я всех купцов знаю. И они меня. Не слышал про Андромаху? Нет? – он распрямил плечи и стукнул себя в грудь широкой ладонью. Лаций онемел, как будто его поразила молния Юпитера. «Андромах из Антиохии!» чуть не вырвалось у него изо рта, но он кашлянул и успел сказать совсем другое:

– Ты – хороший человек, Андромах. Это сразу видно. И купец богатый. У тебя много товара в лодке.

– Э-э-э! У меня много лодок в разных городах! – самодовольно заметил тот. – Но ты не старайся заговорить меня. Откуда ты знаешь, что я собираюсь плыть в Азию? Говори!

– Клянусь богами, я не знал, – воскликнул Лаций. – Я случайно увидел человека в парусе и подумал, что это – хозяин. Ведь хороший хозяин никогда не бросит свой товар в лодке. Я могу заплатить. У меня есть камень, который подарил мне один человек, – осторожно добавил

⁶ Китай.

он, помня о поведении жадного Бахрата. О других камнях он вообще не хотел говорить. Теперь уже было понятно, что и одного было достаточно, чтобы купить даже такую большую лодку.

Протянув его Андромаху, он опустил голову и стал исподлобья наблюдать за старым греком. Да, сомнений быть не могло – это был именно он, рыжий грек из Карр, который был их проводником, но потом исчез... Однако сейчас надо было затаиться и не выдать себя. Купец, тем временем, осмотрел камень со всех сторон и крепко зажал в широкой ладони.

– Откуда у тебя такой шрам? Как мечом!

– Рассекло веткой от бревна. Поднимали из реки деревья, верёвка сорвалась и вот... Край ветки ударил.

– Да, страшно ты выглядишь. Ещё борода такая! Сразу видно, давно не был в Азии.

– Давно, – охотно согласился Лаций.

– Странно. Думаю, что в тебе не так? А ведь ты не грек! Ты как-то не так говоришь, – хитро прищурился купец.

– Нет, не грек, – чувствуя, как пот покрывает всё тело, пробормотал Лаций. – Мои родители жили на Сицилии. Потом нас отправили в Киликию, и там я работал у нашего хозяина из Рима.

– Да уж, эти римляне! – брезгливо фыркнул Андромах. – Везде они! Хорошо, хоть сюда не добрались. Ну а как ты к ханьцам в Кина⁷ попал?

– По торговому пути на севере!

– О-о! Не может быть! Там же хунну! – маленькие, как бусинки, глаза впервые выглянули из-за заплывших жиром век, и в них промелькнуло искреннее удивление. – Давно?

– Да, давно. Хунну помогли мне попасть к большой стене.

– Знаю, знаю. Опасный народ. Но тоже любят шёлк и золото... – быстро пробормотал купец. – Я смотрю, что ты какой-то странный... у тебя такой голос... Ну понятно. Ладно, можешь завтра утром плыть с нами. Но этого камня мало! Он маленький. За еду будешь грузить мешки вместе со всеми. Займёшь его место! – не требующим пререканий голосом сказал он и выгнал из лодки полуголого лентяя. Потом обернулся к Лацию и добавил: – Всё, оставайся здесь! Сейчас придут мои люди. Они будут охранять товар. Хм-м, – он ещё раз посмотрел на камень и, ничего не говоря, ушёл. Пот ручьями тёк по лицу и спине, но только теперь Лаций решился поднять руку и вытереть лоб рукавом рубашки. Затем опустился на дно и прижался затылком к борту. День, казалось, начался так давно, что в него можно было вместить целую жизнь, но боги явно помогали ему и он дал слово принести им жертву в первом порту, где сможет найти менял и большой рынок.

На следующий день шесть больших лодок, набитых разными товарами, отошли от пристани, и Лаций с облегчением вздохнул, решив, что, наконец-то, избавился от странного купца Бахрата и освобождённого им вождя племени рыбаков. Вокруг было невероятно тихо, и постепенно лёгкая качка успокоила его. Вскоре подул ветер, и вёсла положили вдоль бортов. Парус, захлопав, натянулся тугим полукругом и лодка пошла быстрее.

Позади остались почти четыре года жизни в стране, к которой он так и не смог привыкнуть. Лаций не знал, что скромная наложница Минфэй, добравшись до Хуханье, на несколько десятков лет спасёт империю Хань от нападений кочевников хунну и станет символом национальной красоты и мудрости, а племянник Ван Мана вскоре захватит власть в стране и провозгласит себя императором новой династии; римляне построят ещё три города и множество мостов, Зенон и Марк добьются уважения и почёта, их дети станут важными чиновниками; старший евнух Ши Сянь умрёт от обыкновенной простуды, а несчастный Павел Домициан потеряет свой божественный голос и будет просить милостыню за воротами внутреннего города. Там, под стеной, не выдержав страданий и холода, его душа покинет тело, и никто даже

⁷ Китай (греч.).

не вспомнит, кем он был при жизни. Исхудавшее тело слепого певца бросят в большую яму за городом и закопают вместе с остальными бездомными, умершими в тот же день.

Мысленно Лаций много раз возвращался к Саэт, не понимая, что его волнует и тревожит в этих воспоминаниях. Но всё было тщетно. Её любовь и заботу он расценивал как женскую привязанность и необходимость думать о мужчине. А думать об одном или двух, считал он, было для женщин обычным делом. Он так и не догадался, что Зенон был его сыном, даже несмотря на внешнее сходство, а те, кто мог это заметить, умерли раньше, чем Лаций покинул империю Хань. Совесть иногда мучила его из-за того, что он оставил её с Лукро в Лицзяне, но другого пути не было.

Саэт вырастила спасённую на озере девочку как свою дочь. Она нашла ей богатого мужа из ремесленников в Лицзяне и помогла Лукро стать главным торговцем рыбы в городе. До конца жизни она думала о Лации и каждый раз, когда сердце особенно ныло от разлуки, она всё равно приходила к мысли, что поступила правильно. В этом городе Лацию не было места, и он рано или поздно всё равно заскучал бы по Риму и стал рваться туда. Он никогда не смог бы стать ханьцем.

Так думала Саэт. У них с Лукро было ещё два ребёнка. Один из них утонул в реке совсем маленьким, второй вырос и стал особенной гордостью старого отца. Это лишний раз подтверждало, что даже если бы Лаций остался и пребывал в неведении, то рано или поздно всё равно оказался бы здесь лишним человеком. А принимать его в семье, где каждый день приходилось бы прятать взгляд и притворяться, Саэт могла. Рано или поздно это закончилось бы трагедией.

Но сам Лаций этого не знал. Сидя в большой лодке, он скучал по Саэт и её детям и в то же время думал о том, как побольше узнать о городах, мимо которых они будут проплывать, и сколько дней займёт путь до первого греческого полиса. Гребцы об этом не говорили, а спрашивать Андромаха и его греков-помощников в других лодках он опасался.

Вскоре ветер совсем ослаб, и наступили трудные времена: гребля, пару глотков воды, снова гребля, вода, рваный сон, немного еды, дождь, растирающие ладони мокрые вёсла, загрузка воды и еды в каких-то незаметных бухтах и на маленьких островах. И так целый месяц, пока слева по борту не показался большой, утопающий в зелени остров.

Когда они проплывали мимо, Андромах заметно волновался. Это был остров тигров. Его жители постоянно воевали с населением на большой земле, и никому не хотелось стать жертвой очередной войны. Купец обмолвился, что до ближайшего греческого города – Деметрии-Паталы – на реке Инд ещё месяц пути, и им надо было дожидаться, когда линия берега повернёт на север. А там уже станет легче, потому что парусам будет помогать ветер. По пути их несколько раз накрывал шторм, но гребцы были опытными и не бросали вёсла от страха. Благодаря им и старому капитану все суда остались на плаву.

Лаций старался не разговаривать с Андромахом и капитаном, чтобы случайно не выдать себя. Он замкнулся и сосредоточился на работе и одежде, которую приходилось отжимать и сушить по несколько раз в день. Внутреннее напряжение не прошло, но он специально не вспоминал о прошлом, выполняя любые работы и доводя себя до изнеможения, лишь бы не думать о том, что находится так близко со смертельным врагом. Сейчас ему надо было добраться до безопасного места, где можно было бы спокойно подумать о справедливом возмездии. Здесь, посреди бурных вод, надо было затаиться и ждать.

Однажды они подошли к небольшому поселению, где должны были пополнить запасы и проверить борта лодок. Андромах приказал вытащить все мешки на берег и сам наблюдал за тем, как слуги пересчитывают находящийся там товар. Две лодки из шести нуждались в ремонте: доски под уключинами разошлись и треснули. Ещё на одной сломалась старая мачта. Лаций помогал, чем мог, лишь бы быстрее починить их и отправиться дальше. В пути им

сильно мешали дожди, и он никак не мог привыкнуть спать в мокрой одежде или даже в воде, потому что она была повсюду.

Жители деревни ничем не помогали слугам Андромаха, и даже деньги не могли заставить их двигаться быстрее. Они ходили, разговаривали и жили, как будто очень устали от непосильного труда и никак не могли прийти в себя. Когда лодки, наконец, отошли от деревни, Лаций с облегчением вздохнул, а Андромаш ещё долго ругался на соседнем судне, недовольный такой долгой остановкой. Вдоль берега проплывали невысокие горы, и только через месяц они сменились пологими склонами и холмами. Хитрый грек выборочно заходил в те поселения, которые знал, хотя несколько раз они проплывали мимо больших городов.

Вскоре они пристали к небольшому городу под названием Мунджай. Андромаш сказал, что они пробудут там несколько дней. И здесь Лаций допустил ошибку, подумав, что это был тот самый греческий город Деметрия, куда, по словам толстого купца, они направлялись. Он подошёл к рыбакам на пристани и спросил, где находится торговая площадь. Ему ничего не ответили, лишь махнули рукой в сторону больших домов, которые виднелись вдали за прибрежными трущобами. Дойдя до них, он увидел большой базар и знакомые лотки менял со столами.

Эти люди плохо говорили по-гречески, скорее даже вообще не говорили, а просто показывали на монеты и кивали ему головой, чтобы выбирал что на что менять. Но Лаций ничего не менял, он переходил от одного стола к другому, и показывал каждому меняле маленький блестящий камешек из мешочка. В то же время он наблюдал за тем, как вокруг продают одежду и посуду, еду и разные странные крючки из железа. Ему надо было купить пару ножей взамен тех, которые пропали во время одного из штормов.

Наконец, в небольшой пристройке, за кучей глиняных кувшинов и корзин он нашёл грека, который расстроил его, сказав, что этот город не Деметрия и до неё ещё пять дней пути при хорошем ветре. Улыбаясь и расспрашивая его о путешествии, камне, купцах и всякой чепухе, меняла всё время суетился, как будто что-то забыл и не мог найти. Он сказал, что здесь не ходят такие монеты, как в империи Хань, и лучше обменять драгоценный камень на несколько коров, потому что право на обмен денег имели только люди из касты вайшьи, а у них это было дорого.

Но Лаций хорошо запомнил опыт общения с сицилийскими менялами. Тогда друзья Оги Торчая рассказывали, как легко они обманывали богатых римлян и приезжих купцов такими же увещеваниями. Наконец, меняла сдался и выдал ему несколько медных монет в обмен на ханьские. За камень он не хотел давать больше пяти серебряных монет. Лацию пришлось объяснить хитрецу, что за один такой камень можно купить целую лодку, а на несколько маленьких монет не купишь даже кувшин для воды. И только когда он пригрозил пойти к соседу, это сработало. Пятнадцать серебряных монет, которые он получил за один камень, наверное, тоже были маленькой платой, но, по его расчётам, на ножи и обувь этого должно было хватить, поэтому он ушёл, не став больше спорить.

На пристань Лаций вернулся уже в новых сандалиях и с двумя небольшими ножами под рубашкой. Никто, кроме Андромаха, не обратил на это внимания. Сразу после заката все рабы и слуги спокойно разлеглись спать под навесами. Ночь была звёздная, и чистое небо не предвещало дождей, которые начинались здесь невероятно быстро и так же быстро заканчивались.

На следующий день утром Андромаш с двумя помощниками повёз на рынок большую повозку с мешками, а все остальные стали загружать еду и воду. К вечеру он вернулся с другим товаром, и до наступления темноты гребцы перегружали его в лодки, чтобы следующим утром отплыть в Деметрию-Паталу.

Спать легли поздно. Лаций уже почти заснул, когда над головой раздался странный шелест. Он почувствовал на лице дуновение тёплого ветра, но открыть глаза не успел – на него набросили парус и ударили по голове чем-то тяжёлым. Вместо того чтобы притвориться мёрт-

вым, он стал сопротивляться и получил второй удар, который свалил его на дно лодки. Больше Лаций ничего не помнил.

ГЛАВА IV. ОБВИНЕНИЕ В КРАЖЕ

Сквозь шум в ушах прорывались чьи-то голоса. Затылок раскалывался от тупой, пульсирующей боли... Не открывая глаз, Лаций попытался пошевелить рукой, но у него ничего не получилось. С ногами было то же самое. Веки немного приоткрылись, и крики вокруг сразу стали громче, как будто глаза помогали их слышать. Незнакомые люди с тряпками на голове и серых набедренных повязках подхватили его и подтащили к важному вельможе. У того на голове был знакомый Лацию белоснежный тюрбан. Такой же был у главного рыбака, который собирался его убить.

Важный сановник был одет в длинную белую рубашку, штаны и узкие остроконечные сандалии из цельной кожи. Всё стало ясно, когда издали донёсся голос менялы. Тот обвинял Лация в краже монет, доказывая преисполненному важности чиновнику в белом тюрбане, что все беды у него произошли именно из-за этого чужестранца. Нудный голос жаловался, что обладатель шрама угрожал ему двумя ножами и забрал очень много монет. А потом убежал на пристань, где хотел уплыть на большой лодке.

Полуголые слуги развязали Лацию руки, сняли одежду, обыскали и нашли два ножа. Краем глаза он видел, что они держали в руках только ножи. Значит, мешочек украли ещё раньше. Или... тут он вспомнил о ночном нападении. Значит, его обворовали рабы Андромаха! Тот ходил на рынок и там наверняка повстречался с менялой. Естественно, жадный торгош рассказал ему о камне, и хитрый грек сразу понял, что надо делать. Андромах вернулся и приказал своим людям напасть на него ночью. Теперь всё было понятно.

Он лежал, совсем голый, и с трудом растирал затёкшие кисти. К нему подошли два раба.

– Не надо... завязывать руки, – Лаций не слышал своего голоса, только хрипение и свист.

– Что он говорит? – крикнул вельможа в белом тюрбане.

– Руки... – скривился Лаций. – Я не чувствую рук.

– У него болят руки, – подобострастно подсказал меняла, и, к удивлению всех, важный чиновник проникся состраданием.

– Привяжите его за ногу! – приказал он. – Всё равно никуда не убежит, – однако суровый взгляд и сросшиеся на переносице густые брови не сулили ничего хорошего.

Через какое-то время пальцы на руках и ногах стали покалывать и в них вернулась боль. Лаций приподнялся и увидел, что на нём ничего нет, кроме купленных на рынке высоких сандалий. Их почему-то оставили. Он скривил губы в усмешке, потому что, помня совет Павла Домициана, засунул между большим и средним пальцами по два больших камня.

– Ты кто? Скажи, зачем ты украл деньги? – наконец, спросил его преисполненный важности сановник.

– Я плыл в Деметрию, – с трудом преодолевая боль от каждого слова, начал он и затем рассказал всё, что произошло накануне. В конце Лаций повернул голову к меняле и спросил: – Ну а с тобой Андромах поделился? Он украл у меня мешочек с камнями. Там было штук пятьдесят, – он специально преувеличил количество и, заметив, как вытянулось лицо торговца от обиды и разочарования, с напускным сочувствием добавил: – Понятно... Всё забрал себе. А тебе ничего не дал. Что же ты так глупо его отпустил, а?

– С кем ты был? Что украл? Говори! – приказал главный индус, и в его глазах промелькнули искры жадности.

– Он украл драгоценные камни у одного богатого купца, которые тот вёз в подарок все-ильному радже Бугхарадже! – с желчью в голосе вдруг выкрикнул меняла. Но в глазах у него застыли слёзы обиды. Бедолага поверил словам Лация и не мог простить себе такой глупости, но было уже поздно. – У этого вора был целый мешочек с камнями! Такими большими, как слеза Будды. Это он украл их!

– Украл драгоценные камни? Камни для раджи?! – с негодованием выкрикнул чиновник, и его глаза налились кровью. – Нет, ты не умрёшь просто так! Отпустите палача! Отвезём этого негодяя в столицу Караватшару! Там по нему пройдёт слон! Ты умрёшь на глазах нашего великого раджи! Ведь ты украл его камни! – он плюнул на Лация, но слюна повисла на бороде, и от этого вельможа ещё больше разозлился. Все его крики на странном языке переводил маленький худенький человек с кучерявой бородкой и усталым, застывшим взглядом.

Когда его хриплый голос перешёл в кашель и затих, Лаций не знал, что делать – радоваться или плакать. Меняла предал его дважды, но это предательство спасло от мгновенной смерти. Однако смерть всё равно была неминуема, хоть и немного позже. Внезапно к горлу подкатила тошнота, и голова стала как каменная. Потеряв сознание, Лаций завалился набок и ткнулся ухом в пыль, прямо у ног разгневанного чиновника. Он так и не узнал, сколько времени провёл в таком состоянии.

Тусклый свет забрезжил узкой полосой между век, и в голове постепенно стали появляться обрывки слов и мыслей. Боль в затылке не прошла, но он был жив. Наверное, это было хорошо, однако по большому счёту безразлично. Откуда-то доносился шум дождя. Лаций с трудом повернул голову и увидел прямо перед носом каменную стену, грязную и скользкую. Звук шёл с другой стороны. Там, кажется, был костёр. По стенам плясали жёлтые блики пламени. Он подполз ближе. Голова упёрлась в толстые круглые палки решётки. Лаций без сил опустился на сырой каменный пол, уставившись неподвижным взглядом на огонь. Рядом сидел стражник. Над ним в стене торчал факел. Чуть дальше виднелся чёрный проход. Шум дождя доносился оттуда.

На следующий день ему удалось узнать у охранника, что это – тюрьма индийского города Дахал. Здесь было много узников, но с ним в пещере находился всего один – молчаливый индус с высоким лбом и проседью в бороде, в штанах и рубашке, с поясом, что говорило о его непрестом происхождении. Длинная борода свалялась и торчала в разные стороны, как ветки кустарника. И ещё он постоянно дёргал своим горбатым носом, как будто хотел согнать надоедливую муху. Но мух здесь не было, и это движение вызывало у Лация слабую улыбку.

Два раза в день к этому странному человеку кто-то приходил, но стражник не пускал просителя и разрешал только оставлять несколько лепёшек и воду. В камеру он приносил только воду, а лепёшки съедал сам. Всем заключённым раз в день давали мягкие стебли тёмно-зелёных растений и что-то, похожее на бобы. На пятый день своего заточения Лаций решил попытаться ещё раз поговорить со стражником. Тот знал кое-какие греческие слова. После долгого обмена жестами ему удалось объяснить ленивому мздоимцу, что очень хочется есть. В ответ раздался громкий смех. На следующее утро, когда индусу снова принесли еду, Лаций не сдержался.

– Не носи еду! – крикнул он громко на греческом. – Охранник съедает всё сам! – от звонкого эха все остальные узники сначала замерли, а затем бросились к своим деревянным решёткам и уставились на слабое пламя огня у чёрного прохода. Там виднелись две фигуры – стражника и того человека, который приносил лепёшки. Они о чём-то оживлённо разговаривали, и через какое-то время, постоянно оглядываясь по сторонам, к решётке подошёл невысокий незнакомец. Это был молодой человек в длинной рубашке с рукавами, как у Лация, только без пояса. За ним вяло плёлся недовольный стражник. Молодой незнакомец произнёс несколько слов на своём языке и поклонился индусу в камере. Тот даже не пошевелился. После этого он повернулся к Лацию.

– Ты кто? – спросил он по-гречески. Лаций хотел встать, но не смог.

– Ох! – вырвалось у него, и рёбра пронзила острая боль. Он скривился, но в голове уже промелькнула мысль, что этот человек говорил на греческом, как на родном языке. – Меня схватили в порту... там, где море... я плыл в Азию. Меня обманули. И обвинили в воровстве.

– А-а... Так ты вор?... – с сожалением покачал головой незнакомец.

– Я – не вор! – прохрипел он с возмущением. – Я... я... – Лаций хотел сначала сказать, что он римлянин, легат и никто не смеет называть его вором, но глубокий вдох вызвал новую волну опоясывающей боли в груди. Это было хорошим напоминанием о тщетности подобных объяснений. Стиснув зубы, он произнёс: – Мне тяжело говорить. Ты можешь принести еды?

– Еды? – в голосе молодого индуса прозвучало нескрываемое изумление. – Нет, нет. Это невозможно! Меня не пустят сюда, – зашептал он, как будто боялся, что кто-то может его услышать, но потом, видимо, понял, что это выглядит глупо, и стал говорить спокойно: – Надо заплатить стражникам. Я даю каждый день одну монету наверху и одну монету здесь, внизу. Чтобы передать еду моему господину.

– А-а, понятно, – пробормотал Лаций. – Но твой господин не видит этой еды. Её нет. Нет и всё! Этот стражник всё съедает сам!

– Я тебя хорошо слышу. Не кричи! – оборвал его незнакомец. – Сегодня я отдал три монеты, чтобы подойти сюда. Ты закричал по-гречески. Я это услышал, поэтому я отдал ему всё, что у меня было.

– Я всё понял, понял... Тебе нужны деньги... Как тебя зовут? – стараясь не вдыхать глубоко, спросил Лаций, увидев, что стражник что-то сказал человеку за решёткой и тот сделал шаг назад.

– Патья.

– Так ты грек?

– Да, а ты, кажется, нет, – с сомнением ответил слуга его сокамерника.

– Я жил в Греции. Но скажи, ты можешь достать еды? Нормальной еды? И желательно мяса?

– Нет. Это невозможно. Я уже говорил тебе, – негромко ответил Патья, – меня не пустят...

– Да, да, говорил! – перебил его Лаций. – Но если ты заплатишь две... или три монеты? Или даже пять?

– Пять монет? Откуда их взять? – недовольно поморщился молодой грек.

– Слушай, здесь есть торговая площадь? Здесь есть купцы? – быстро спрашивал Лаций, боясь, что тот уйдёт.

– О! – воскликнул Патья. – Конечно, есть! Это – самый большой город. Здесь живёт сам раджа!

– А менялы есть? – продолжал допытываться Лаций.

– Менялы? Ты шутишь? Конечно, есть!

– Ну вот и хорошо. Принеси воды, и я скажу тебе, где взять монеты, – Лацию надо было, чтобы стражник отвлекся и не видел, как он достанет из вонючей сандалии маленький камешек. Когда Патья вернулся и под недовольное бурчание охранника просунул ему небольшую чашку с водой, Лаций осторожно вложил ему в ладонь камень и сказал: – Сожми руку и не открывай, пока не выйдешь. Ты сможешь обменять это на очень много монет, поверь мне! Поэтому тебе должно хватить и на стражников, и на еду. Только не забудь о мясе, пожалуйста! – добавил он в конце, видя, что грек опешил и не слышит его. – Мя-со-о!.. Там должно хватить надолго...

– Мясо? Да, да, конечно, я попробую, – пробормотал тот и поспешил к черневшему провалу в стене. Там был выход.

На следующий день стражник сам открыл решётку и занёс туда небольшой кувшин и две корзины с едой. Молодой грек стоял рядом, скрестив руки на груди, и довольно улыбался.

– Сколько дал ему? Три или четыре монеты? – спросил его Лаций, довольно потирая руки.

– Две. Больше нельзя. Много монет – плохо. Завтра потребует больше, – важным тоном сообщил Патья, как будто за одну ночь стал главным надсмотрщиком тюрьмы.

– Скажи своему хозяину, что я прошу его разделить со мной эту еду! – попросил Лаций. – Скажи это вежливо, как у вас тут принято.

Грек перевёл слова Лация, но хмурый индус, внимательно посмотрев на него колючим взглядом, отвернулся к стене. Патья пожал плечами и вышел. Охранник тихо закрыл дверь и отошёл к своему месту. Стало темно. Лаций засунул руку в корзину и на ощупь достал несколько лепёшек. Потом по запаху нашёл мясо и завернул его внутрь. Подойдя к индусу, он сел рядом и ткнул его в плечо.

– Давай, не отворачивайся! Еда вкусная. На! – Лаций протянул ему завернутое в лепёшки жареное мясо, и невероятный запах заставил его самого несколько раз сглотнуть слюну. Не дождавшись ответа, он сунул лепёшки соседу в руку и с радостью впился зубами в свой кусок.

Видимо, голод и запах сделали своё дело, потому что вскоре в камере уже раздавалось довольное чавканье двух человек, после чего был откупорен кувшин и поверх лепёшек с мясом в живот последовало слабое терпкое вино. Что было потом, никто из них не помнил, потому что они проспали до следующего прихода слуги индуса.

ГЛАВА V. ИГРЫ В КАМЕШКИ И ЗНАКОМСТВО С БРАТОМ РАДЖИ

Теперь Патью стали пропускать прямо к решётке, ему разрешалось разговаривать и даже передавать одежду. Через шесть дней Лаций чувствовал себя уже намного лучше, и боль в груди стала проходить. Однако страх неизвестности продолжал мучить его и теперь даже сильнее, чем раньше. Лаций несколько раз ловил себя на том, что начинает говорить вслух. Сам с собой. Ночью он даже вскакивал от собственного крика. Чтобы хоть как-то отвлечься и действительно не сойти с ума, он решил собирать большие и средние камни, которые лежали по всему полу, и складывал их у стены.

Однажды Лаций заметил, что его сосед сидит у решётки и раскладывает собранные им камни рядом с собой. В слабом свете факела были видны нарисованные на пыли квадратики. Попытка узнать, что тот делает, ни к чему не привела – индус не говорил на греческом. Он в молчании двигал камни, которые явно были разложены в определённом порядке, и о чём-то думал. В этот день он просидел так до тех пор, пока не пришёл кучерявый черноволосый слуга и не передал им две корзины с едой. Хмурый индус что-то сказал ему, и тот с удивлением посмотрел на Лация.

– Великий Синг хочет поговорить с тобой, – сказал он тихо. – Мой господин разрешает сообщить тебе, что он – брат раджи Бугхараджи. Тридцать дней назад его обвинили в заговоре против раджи и бросили в тюрьму. Теперь его должны казнить.

– Прямо как меня! – заметил Лаций, и кусок лепёшки застрял у него в горле. Чтобы отвлечься, он стал расспрашивать слугу о жизни. Юный грек оказался сыном давно приехавших в Индию македонских купцов. Мать происходила из местного племени землепашцев.

Также Лаций узнал, что их с Сингом должны были казнить вместе, но после своего возвращения из храма солнца раджа заболел и не мог подняться с ложа. Так как казни были его любимым развлечением, особенно с участием слонов, то советники раджи приняли решение дождаться выздоровления.

– Мой господин, великий Синг хочет научить тебя шатранж, – сообщил в конце Патья. – Это помогает проводить время и занимает ум.

– Что это такое? Камешки двигать? – недовольно расчёсывая укус какого-то насекомого, спросил Лаций. Патья долго объяснял ему название камней и как их двигать по квадратикам, но дело продвигалось с трудом. Даже когда стражник зажёл ещё один факел и воткнул его в стену рядом с решёткой, Лаций не стал понимать лучше.

После того как Патья ушёл, они ещё несколько раз пытались поиграть в камни, но вскоре Лацию это надоело и он стал просто раскладывать их по квадратам, как центурии и манипулы. Потом эти центурии стали двигаться, перестраиваться в колонны, разбивать друг друга на части. В конце концов это ему тоже надоело, и он лёг у стены. В голову пришла мысль, что если раджа будет долго болеть, то они сойдут с ума в этой тюрьме.

Насекомые и ползающие по углам скользкие черви были не так страшны, как постоянная сырость и полумрак. От них в голове всё начинало кружиться и реже хотелось открывать глаза. Когда слуга в очередной раз принёс еду, Лаций открыто спросил его о побеге. Сил терпеть уже не было. Ожидание казни оказалось хуже самой смерти. Поэтому Лаций попросил принести ему нож. Но Патья и его господин одинаково вздохнули и покачали головой.

– Ты не убежишь отсюда, – сказал молодой слуга. – Это большая пещера в скале. Там выход к колодцу, – он кивнул в сторону сидевшего у прохода стражника. – Вверх тебя поднимают на верёвке. Садишься в клетку, и поднимают.

– Почему нас не могут поднять в клетке? – спросил Лаций.

– Один человек – одна клетка. Можно поднять только одного. Когда стражники наверху увидят тебя в клетке, то отпустят верёвку, и ты упадёшь вниз. Всё, смерть. Убежать нельзя. Никак.

– А как же тебя спускают и поднимают?

– Я – слуга моего господина. Жена раджи разрешила мне посещать моего господина. Ведь это – его брат! – объяснил Патъя.

Лацию оставалось только ждать исполнения приговора. Иногда он двигал камешки вместе с Сингом, иногда сам, представляя, что это римские легионы. Но однажды индус тоже решил подвигать с ним центурии и выстроил на земле несколько линий из своих камней. Лаций удивлённо поднял брови вверх, потому что перед его тремя квадратами стояла армия противника. Это напоминало парфян и хунну, которые двигались все вместе, одной толпой.

Но удивило его не это. Сидевший у решётки Синг, оказывается, понимал, что он делает, а, значит, был воином. Лаций с радостью показал ему, как римские центурии прорывают тонкие линии обороны, а Синг – как его воины окружают легионеров со всех сторон. Так они играли несколько дней, пока неожиданно в глубине пещеры не послышался взбудораженный голос Патъя. Через какое-то время к нему присоединились ещё какие-то люди и, судя по напряжённому взгляду индуса, произошло что-то важное.

Наконец в темноте замелькали факелы, и к решётке приблизились несколько человек. Судя по внешнему виду, это были важные сановники: на них были чистые рубашки, большие тюрбаны и обувь. Но стражников не было. Только один, который до этого сидел у выхода, а теперь подбежал к решётке и стал быстро выдёргивать из засова колышки.

– Это всё? – со вздохом произнёс Лаций, устало поднимаясь с каменного пола. Кости ныли, как будто его долго били палками по всему телу. Он ещё не успел понять, что происходит, как Патъя бросился к грязным ногам Синга и стал целовать их, обнимая за лодыжки. Стоявшие за решёткой сановники склонились в поклоне и стали хором лепетать непонятные фразы.

На подготовку к казни это не походило. Хотя, кто его знает, может, здесь так с уважением относились к людям перед смертью?.. Но где же верёвки и охрана? Неужели даже связывать не будут?

Лаций, нахмурившись, продолжал наблюдать. Наконец, Синг что-то сказал и кивнул в его сторону. Патъя вскочил и поклонился Лацию. Это выглядело совсем странно.

– Великий раджа Синг говорит, что ты – хороший человек и будешь принят в его дворце. Ты делился с ним едой, и он должен отплатить тебе благодарностью.

– В каком дворце? – пробормотал Лаций, начиная понимать, что боги снова изменили его судьбу. Синг в сопровождении знати направился к выходу, и пока они все по одному поднимались наверх, Патъя успел рассказать, что раджа Чола Бугхараджа умер накануне от тяжёлой болезни, и теперь правителем будет его родной брат Синг. Юноша сыпал именами и названиями, перемежая слова двух языков, но для Лация самым важным было узнать, как побыстрее уйти или уехать из этого города к морю. В ответ он услышал, что это может решить только великий раджа.

ГЛАВА VI. НОВАЯ ЖИЗНЬ ВО ДВОРЦЕ

Тяжёлое заточение в тюрьме сменилось неожиданной праздностью в роскошном дворце. Вода, масла, чистая рубашка и сандалии – всё это радовало. Бладобрей тоже оказался очень кстати. Бритьё было приятным. Причём, с вязким ароматным маслом вместо глины, как раньше. Боги как будто решили возместить недостаток уюта, тепла и заботы, которых он был лишён столько лет, и теперь щедро одаривали его за прежние лишения. Но безделье угнетало Лация. Даже рабыни в соседней комнате, из которых он мог выбирать себе каждую ночь новую, не радовали его.

Всё было слишком хорошо, тем не менее Лаций никак не мог избавиться от ощущения, что не свободен в этом красивом дворце, где за ним постоянно ходили и прислуживали не меньше десяти слуг. Патья приходил несколько раз в день и тоже задавал много одинаковых вопросов. Он даже нашёл ему говорящую на греческом служанку, но никто не мог сказать, как уйти из города и тем более – из дворца.

На десятый день после их освобождения в городе был большой праздник. Лация привели в красивый светло-жёлтый дворец с полукруглой крышей, витыми колоннами и мраморными ступенями. Раджа Синг с важным видом сообщил, что Лаций – его гость, и потом Патья представил Лация всем присутствующим.

Первой была жена бывшего раджи – Антазира. Новый раджа взял её в свой гарем. Он мог убить жену своего брата, но, как сказали брахманы, богам эта жертва была не нужна. Однако Лаций сразу увидел, что взгляды, которые раджа Синг бросал на жену своего умершего брата, были полны страсти и желания.

Праздник длился два дня. От некоторых гостей удалось узнать, что до моря было далеко – не меньше пяти дней на лошадях и тридцати пешком. Но лошадей, при этом, нигде не было видно. После праздника что-то изменилось, потому что теперь каждый день Лация стали приводить к радже, и тот разговаривал с ним о войсках и войне. На все вопросы о возможности уехать, всегда звучал один и тот же ответ:

– Разве тебе здесь не нравится?

Позже Патья пытался объяснить Лацию, что лучше не спрашивать раджу об этом, потому что тот очень любит своих гостей и переживает, если им у него плохо. Стараясь чем-нибудь занять себя, Лаций стал ходить с юным греком к жрецам-брахманам, где издали наблюдал, как те молятся многоруким статуям, поджигая травы с горькими и резкими запахами. Затем он стал помогать Патье учить детей Синга греческому языку, письму и истории и другим премудростям.

Так каждое утро до полудня Лаций проводил с ними, а затем шёл к радже. Рядом с детьми всегда были несколько евнухов и Антазира, новая жена раджи. Она немного говорила по-гречески, и Лацию разрешали отвечать на её вопросы. У неё были умные, внимательные глаза, немного вытянутые, отчего казались полуприкрытыми, и тонкий прямой нос, над которым между бровей виднелся маленький красный кружок. Тихая и спокойная, Антазира очень любила цветы и животных и много расспрашивала его о Риме и других землях. Предыдущий муж собрал для неё много животных, которых держали в специально построенных заграждениях недалеко от дворца. Она часто ходила туда с евнухами и детьми. Теперь к ним стали присоединяться Патья и Лаций. Её удивляло, что чужестранец знал, как обращаться с тиграми, и даже кормил их из рук.

Однако для Лация всё это было невыносимо однообразно и даже вкусные блюда, которые приносили молодые служанки, не радовали его. И вот однажды всё изменилось: раджа неожиданно приказал собрать всех воинов и объявил о походе против могущественного соседа

на севере. Глупые чиновники радостно поддержали его, и только Патья испуганно забился в угол зала, услышав эту новость.

Вечером он рассказал Лацию, что очень боится этого похода, потому что армия северного царства была невероятно большой, у неё были слоны и колесницы, много оружия и много людей. Дворец их главы был выложен золотом, и все соседние правители завидовали, мечтая ограбить и разорить его столицу. Армия раджи Синга ушла на север, а Лаций и Патья остались в городе. Молодому греку доверили следить за оставшимися во дворце старыми сановниками и слугами.

Дожди шли ещё целый месяц. От Синга и его воинов не было никаких известий. Внимательные и безмолвные слуги кормили и поили Лация, он по-прежнему встречался с Патьей и детьми раджи, всё так же ходил с ними кормить тигров и леопардов, правда, теперь чаще сам, без евнухов и Антазиры. Расспросы о лошадях и дороге к морю привели его к одному храму, где он столкнулся с молодым невысоким брахманом. Тот, увидев его, застыл, удивлённо подняв вверх брови. Он смотрел на амулет.

– Нравится? – спросил с ухмылкой Лаций, зная, что всё равно не услышит ответ. – Смотри, у меня ещё на плече такой есть, – добавил он и задрал рукав рубашки вверх. От скуки и однообразия он уже не знал, что делать.

– О-о... – невысокий лысый служитель неба выдохнул с удивлением, увидев три круга на плече.

– Да, вот так... Всем нравится, но не очень помогает пока. Ладно, пойду дальше. Может там лошади есть, – вздохнул он и обошёл неподвижного жреца.

– Зачем ты ищешь лошадей, светлый человек? – неожиданно раздался голос сзади.

– О-о! Ты, что, говоришь по-гречески? – опешил Лаций.

– Я третий говорю. Мой отец говорил, и дед говорил, – склонил голову брахман. – Твой знак на плече и... здесь... – он показал на грудь. – Откуда он у тебя?

– Это – долгая история! – Лацию не хотелось рассказывать об амулете. – Ты лучше скажи, есть ли тут лошади?

Разговорившись, они присели на каменную лавку у большого бассейна, и жрец поведал ему, что лошади есть только в храме за стенами дворца. Узнав о желании Лация добраться до моря, он сказал, что дорога сейчас плохая, но дойти можно. За двадцать дней.

Так они проговорили довольно долго, и на следующий день Апам – так звали молодого брахмана – позвал его в древний храм за стенами города, чтобы представить Лация главному жрецу. По дороге они остановились у большой груды брёвен, где маленькие погонщики слонов, сидя верхом, крикливо погоняли животных, укладывая большие стволы в кучу. Им помогали несколько юношей, которые крепили срубленные деревья верёвками, не давая им скатываться вниз. Апам и Лаций вынуждены были остановиться и присесть в тени высокого дерева.

– Куда ведёт эта дорога? Почему тут столько людей? – спросил он служителя неба.

– Эта дорога ведёт к храму жизни. На реке Сабармати. Люди идут туда, чтобы проститься со своими умершими.

– Там их хоронят?

– Нет, отдают реке. Она переправляет их в другой мир. И они смотрят оттуда на своих родных.

– Смотрят? – Лаций наморщил лоб. – Слушай, а куда ведёт река? – люди волновали его меньше, чем дорога к морю.

– К городу Намбей. Там – самый большой храм солнца на побережье, – важно ответил Апам, но Лацию уже было ясно, что побережье означало большие лодки, а на них можно было уплыть в другие города.

– Слушай, а сколько плыть до этого Намбея? – спросил он, но жрец не успел ответить, потому что со стороны сложенных брёвен раздался резкий хлопок и затем – трубный глас

слона. Сплетённая из лиан верёвка лопнула и одно бревно скатилось вниз, ударив животное по ноге. Животное приподняло ногу, затем опустило, она опёрлась на ствол и соскользнула с него в сторону. Тревожно вскрикнув, огромная туша стала медленно заваливаться на сложенные брёвна, увлекая за собой сидевшего на голове погонщика. Тот отчаянно цеплялся за уши и шершавую кожу, но ничего не помогало – слон падал. Задев нижние брёвна, он завалился набок, и вслед за ним по склону покатались стволы деревьев. Внизу стояли женщины, которые вязали верёвки для брёвен. Рядом с ними, услышав шум, испуганно замерли несколько детей. Кто-то на дороге закричал, все стали махать руками, но женщины с трудом выпрямлялись и, слыша отчаянные крики сверху, ещё не понимали, что там происходит. Наконец, кто-то из них сообразил, что надо бежать, все всполошились, заволновались, размахивая руками, но всё это выглядело ужасно медленно и нелепо.

Лаций видел, что они не успеют убежать, но не знал чем помочь. Ему оставалось только стоять и с ужасом наблюдать за этой сценой. Время как будто остановилось. Огромные стволы медленно и неумолимо переваливались через скрипящие опоры, которые теперь наклонились к земле и напоминали сломанные копыя. Женщины внизу с трудом вытаскивали ноги из грязи и пытались бежать. Некоторые падали, вставали и опять падали. Одна из них вдруг рухнула на четвереньки и осталась стоять в такой позе, крича не своим голосом.

Лаций знал, что с ней происходит. Это была паника. Кричать или звать её было бесполезно. Неподальку споткнулась и упала ещё одна несчастная... Её первой настигло толстое бревно. Лаций поджал губы и повернулся к Апаму. Люди вокруг плакали и вопили, поднимая руки к небу. Но он старался не смотреть в их сторону. Он даже забыл о реке и городе, о которых хотел расспросить жреца.

– У судьбы много способов доказать людям, что они смертны, – грустно произнёс священнослужитель. – Причём, внезапно смертны.

– Да... – Лаций удивился, насколько эти мысли совпали с его ощущениями. И ещё с воспоминаниями: ужасная бойня в пустыне под Каррами, бой Варгонга, ужасы снежной пустыни у хунну, смерть Атиллы... – Так говорят твои жрецы? – спросил он.

– И да, и нет. Так говорит карма. Мы лишь передаём её людям.

– Я уже слышал что-то похожее там, в империи Хань.

– Мудрость спускается к ним с высоких гор неба.

– Греки тоже спустились сюда с неба? – усмехнулся Лаций.

– Нет. Первыми были не греки. Первым был царь Александр. А греки пришли потом.

Много греков. И все они были купцы.

– Да, далеко забрались. Зачем?

– Александр – за славой, а купцы – за золотом. Ты ведь тоже пришёл сюда не зря. Только ты этого не видишь.

– Меня ведут боги. Но тебе это трудно понять.

– Наверное. Пойдём, слоны уже ушли, – печально кивнув в сторону пустой дороги, сменил тему жрец. Он шагнул в пыль босыми ногами и первым прошёл там, где только что прокатились два десятка стволов, неся смерть застрявшим в низине женщинам.

ГЛАВА VII. ПОРАЖЕНИЕ РАДЖИ И ЗНАМЕНИЕ ЮПИТЕРА

Главный брахман дал понять, что до него уже дошли слухи из империи Хань. Это удивило Лация больше всего. Они проговорили полдня. Главный жрец предупредил, что раджа не хочет его отпускать и надо дождаться возвращения войска, чтобы не навлечь на себя неприятности. Уходить без разрешения было опасно.

– Почему ты со мной так разговариваешь? – спросил его в конце Лаций. По словам людей во дворце, жрецы редко общались с людьми и были немногословны, поэтому такое отношение, тем более к чужестранцу, поразило его. – Это всё из-за него? – он показал на амулет.

– Разве это так важно? – ответил старик. – Будь осторожен. Боги помогают только сильным.

– Это я уже знаю, – недовольно пробормотал Лаций. На этом разговор закончился. Старый жрец закрыл глаза, и его лицо стало непроницаемым. Молодой брахман потянул Лация за рукав, и они вышли из храма. – Что он там видит? – спросил его Лаций.

– Я не знаю. Великий Шармах знает всё. Я лишь простой жрец. Идём, я расскажу тебе историю Бхагават.

Лаций плохо слушал длинные витиеватые истории о нападении одних вождей на других, воровстве жён и дочерей царей, маленьких битвах и больших сражениях, но когда Апам спросил его мнение, он бесхитростно ответил, что знал одного слепого певца, который мог бы рассказать более интересные истории, но его, к сожалению, сделали евнухом и заперли во дворце императора.

– Ты действительно честен! – неожиданно улыбнулся брахман. – Ты не прячешь мысли за пустыми словами. Мне не обидно, что ты так говоришь о Бхагават. Это – твоя правда, и я рад, что великий Шармах оказался прав, – улыбнулся юный жрец. Он проводил растерянного Лация до дворца, где их сразу же окружили слуги, ждавшие его возвращения целый день.

Что хотел сказать этот служитель неба? Зачем уделил столько внимания и слов, если у него нет ни лошадей, ни оружия? Лаций устало сел у фонтана, и рядом сразу же поставили воду, фрукты и масло. Он успел сделать несколько глотков воды, как со стороны ворот раздался шум, закрипели петли и во дворец въехали три колесницы. Они были настолько грязные, что издали нельзя было даже понять, чьи они. За колесницами вошли два десятка воинов, и на несколько мгновений все внутри замерли.

– Раджа вернулся! – раздался крик первого одумавшегося слуги, и остальные подхватили эти слова, устремившись навстречу своему господину. Когда Лаций приблизился к толпе, вместо радости на лицах придворных застыло выражение растерянности и испуга. Это было всё, что осталось от войска. Остальные погибли. Потеряв половину своих воинов в бесполезных атаках, раджа Синг Бугхараджа больше ничего не смог противопоставить огромной армии падишаха Васудевы и был наголову разбит.

Те, кто остался в живых, вынуждены были спасаться бегством. Но уйти удалось немногим. Сам раджа днём прятался с воинами в лесу, а ночью быстро передвигался вдоль дорог, что и спасло ему жизнь, потому что ночью индусы, как и парфяне, не воевали.

– Васудева, Васудева... – пробормотал Лаций, когда услышал имя падишаха. – Я уже, кажется, слышал это имя.

– О-о, он очень сильный и богатый! – округлила глаза служанка, стараясь показать, каким несильным был этот человек. Но больше она ничего не могла ему рассказать: ни где находятся земли этого падишаха, ни как называется его царство, ни какое у него войско – ничего. Девушка только пересказывала слухи, которые слышала во дворце, но все они были одинаково

пустые – о золоте, рабах, драгоценностях, дворцах, слонах с золотыми бивнями и даже золотых бассейнах для крокодилов, о гареме с тысячами наложниц и о золотых камнях на улицах его столицы.

На следующий день начались траурные жертвоприношения, в которых принимали участие все жители города и дворца. Около двухсот брахманов стояли у костров и следили за тем, как животным перерезают горло, спускают кровь и укладывают на кучи дров. Повсюду дымились маленькие полупотухшие костры. В них время от времени подбрасывали сухие травы, и тогда по улицам расплывался горький, терпкий дым, от которого начинала кружиться голова. Все придворные в белоснежных тюрбанах стояли у храмов и молили богов о помощи.

Вездесущий Патья часто появлялся то тут, то там и теперь уже не приходил, чтобы поговорить с ним о пустяках. На третий день Лаций, который тоже был вынужден ходить с сопровождавшими его слугами к храму, увидел у одного из костров Апама. Дождавшись удобного момента, он окликнул жреца, помня его хорошее отношение.

– Апам, Апам! Слышишь? – позвал он, но тот не оборачивался, раскачиваясь из стороны в сторону и напевая протяжные мелодии. Время от времени все вокруг поднимали вверх руки. – Апам! – Лаций взял его за локоть, но молодой жрец не выразил радости, увидев его.

– Горе пришло к нам! – печально произнёс он, глядя сквозь Лация невидящим взглядом. Его зрачки были странного, светло-серого цвета. Точно так же выглядели жрецы в том храме, куда ездила Лорнимэ, чтобы принести дары и узнать, когда она сможет родить ребёнка. Было видно, что разговаривать со служителем в этот момент было бесполезно.

Прямо перед храмом стояли главный брахман и раджа. Они смотрели на него. Синг Бугхараджа казался сосредоточенным, а жрец, как всегда, спокойным. Раджа кивнул слугам, и те подбежали к Лацию. Один что-то прокричал на своём языке и, видя, что его слова остались непонятыми, показал в сторону Синга и брахмана.

– Великий раджа приказывает тебе подойти! – сказал важным голосом Апам. – Иди, тебе будет оказана великая честь!

Внутри сразу всё сжалось от неприятного предчувствия. Вместо того чтобы покинуть этот город, Лаций бесцельно провёл здесь почти три месяца, и вот теперь это поражение раджи и странные знамения брахманов снова сулили ему какие-то неприятности. В том, что это были неприятности, Лаций уже не сомневался. Но он не знал, насколько серьёзными они будут.

Слуги тем временем позвали всех сановников и знать ближе к большому костру, и раджа, показав на Лация, громким голосом стал что-то говорить. Когда он закончил, все остальные хором произнесли несколько слов и склонились в поклоне. Лаций покосился на костёр, предполагая, что его хотят принести в жертву и сжечь прямо здесь. Но рабы с копьями стояли неподвижно, глядя только на Синга Бугхараджу.

Напряжение нарастало, и никто не объяснял, что происходит. Все люди находились в странном состоянии. Они смотрели на него полупрозрачными, как у Апама, глазами и постоянно раскачивались, как будто выпили много вина. Раджа издал громкий крик, и Лаций от неожиданности вздрогнул. Все стали одинаково, в такт, топтать ногами и повторять слова Синга. На небе прогремел гром, и где-то вдалеке коротко блеснула молния. Юпитер явно посылал Лацию какой-то знак, но что именно боги хотели этим сказать, стало ясно чуть позже.

ГЛАВА VIII. НАВСТРЕЧУ НОВЫМ БИТВАМ

Из-за спин столпившихся сановников выбежали два слуги. Они опустились перед ним на колени и склонили головы. В руках они держали меч, щит, копье и шлем.

– Это мне?.. – не понимая, нахмурился Лаций. Синг Бугхараджа поднял вверх руку и стал что-то говорить. Старый брахман приблизился к Лацию сзади и тихо сказал:

– Великий раджа не зря встретил тебя на своём пути! Он знал, что боги посылают ему помощь, но не понимал, какую. Теперь он знает! И все знают. Ты – великий воин и ты должен помочь нашему господину победить врага. Ты пойдёшь и разобьёшь его войско. Ты принесёшь нам победу, ты, как Рама, победишь десятиглавого Равану⁸ стрелой Брахмы, ты будешь наш Арджуна⁹... – он ещё долго шептал незнакомые имена и названия городов, а рядом продолжал звать к толпе раджа.

Лацию казалось, что это происходит не с ним: едкий дым, время от времени окутывавший всех присутствующих, заставлял глаза слезиться, голова ныла и в желудке подташнивало. Но когда слуги довели его до дворца и там передали оружие, стало ясно, что жрец говорил серьёзно.

На следующий день за Лацием с обречённым видом пришёл Патья. Тому приказали сопровождать «великого воина» вместе с двумя тысячами воинов. Придворные должны были собрать их во дворце через два дня. От Патьи Лаций узнал, что Синг Бугхараджа, отступая по ночам на юг, думал не только о том, как быстрее сбежать, но ещё всеми силами старался помешать врагу преследовать его. Он сломал единственный мост через большую реку, и, чтобы его восстановить, потребовалось бы много времени. Теперь Лаций понял, почему раджа так долго оставался в городе после поражения – он знал, что наступавший с севера враг не сможет добраться до него так быстро.

На следующий день Патья предложил Лацию пойти попрощаться с госпожой Антазирой и её детьми. Сначала это приглашение показалось Лацию странным, но потом он согласился. Правда, во время прощания ему пришлось больше разговаривать с детьми раджи, которые уже знали, что он идёт на смертный бой с десятиглавым драконом, а Патья почти всё это время провёл с женой Синга Бугхараджи, которая сидела у края небольшого бассейна и смотрела в воду. Они были очень взволнованы, но их разговора никто не слышал. Евнухи с опахалами лениво стояли в углах большого зала, радуясь, что госпожа разрешила им не обмахивать её в это время.

Через неделю странное прощание во дворце забылось, и Лаций, мокрый от бесконечных дождей и раздражённый от глупости своего положения, стоял у берега реки, видя, как на противоположной стороне многочисленные войска падишаха Васудевы заканчивают подготовку к возведению моста. В столице Патья убеждал Лация, что за такое короткое время никто не сможет построить мост через большую реку. Поэтому теперь, стоя рядом, молодой грек испытывал неподдельный страх от увиденного. Враг неожиданно оказался очень близко.

Вечером они сидели у костра в ближайшей деревне, и Лаций угрюмо жевал мокрые лепёшки с травами. Вокруг расположились десять стражников, которые сопровождали Лация днём и ночью, заботясь о его безопасности. Однако в дороге молодой грек признался, что эти воины не просто охраняли «будущего победителя падишаха», а ещё следили за тем, чтобы он не сбежал в неизвестном направлении.

Слушая Патью, который расспрашивал стариков племени о местности и переводил на греческий, Лаций думал, что они могли бы предпринять в такой ситуации. Он не запомнил

⁸ Герои древнеиндийского эпоса Рамаяна.

⁹ Герой древнеиндийского эпоса Махабхарата.

слова индусов, и потом, когда они ушли, уже собирался просто лечь спать, когда к нему подошёл молодой грек.

– Ты знаешь, они скоро перейдут реку, – как-то глупо сказал он.

– Да, перейдут. И что? Ты знаешь, что делать? – раздражённо бросил Лаций в ответ, чувствуя, что не может сдержаться.

– Нет, но... прости... Я, я... зря втянул тебя в эту войну. И вообще мы скоро умрём... Я хотел сказать, что никто об этом не узнает... И я хочу попросить тебя...

– Что? Передать последние слова твоей любимой девушке? Да? Ой, Патья, какой же ты наивный! Я ведь тоже останусь здесь. Рядом с тобой.

– Нет, я уже передал ей всё. Там, в столице.

– Да? – немного удивился Лаций. – У тебя там девушка? Не знал. Ты же говорил, что ты из другого города. У тебя там даже родственники какие-то были.

– Да, да, говорил, но не в этом дело. Прости, – сбивчиво бормотал молодой грек. – Это всё я... Понимаешь, мы... мы погибнем... хоть и зря, но я не хотел этого...

– Да что с тобой? Ты же не виноват. Ну что ты так дёргаешься? Что случилось? – Лаций, наконец-то, уловил, что Патью терзают какие-то неприятные мысли, и бедняга хочет, но не может высказать их вслух. – Говори, давай! Через неделю всё равно вороны выключат твои слова из моей головы. Если здесь, конечно, есть вороны, – мрачно заключил он.

– Антазира дала мужу яд, чтобы спасти меня, – еле слышно произнёс грек.

– Что? Жена раджи? – не понял Лаций.

– Да... Она дала ему сок лианы с кровью лягушки. Он не должен был умереть. Это даже не яд! Он должен был заболеть, и всё.

– Заболеть? – опешил Лаций. – Как заболеть? Подожди, но он же мог выздороветь, так? Или я что-то не понимаю?

– Нет, не мог. Он бы долго болел. А пока раджа болен, казней нет.

– Ага, и Синг продолжал бы сидеть в тюрьме, так?

– Да. Раджа не смог бы казнить своего брата. И его слуг вместе с гаремом, – уже более уверенно произнёс молодой грек.

– Ах, вот оно что! Теперь понятно. Ты боялся, что тебя тоже, да? – уточнил он.

– Да. Таков обычай. Меня продали в рабство за долги моих родителей, и я тоже был раб раджи Синга.

– Подожди, подожди, – до Лация, наконец, начало доходить, что между новой женой раджи и Патьей была какая-то связь. – Так она, Антазира, что, не любит своего мужа, что ли? Второго? Этого Синга? Он же её не убил. Так? Взял в гарем. Зачем? Он, что, сам её любит? – спросил он. Черноволосый грек сокрушённо покачал головой.

– Да, любит, – опустив голову, через какое-то время тихо добавил он. – Она умная и красивая. Таких больше нет.

– Ага, теперь понятно. Снова женщина... Странно. У него столько жён в гареме. Ну да ладно, это неважно. Получается, старому Сингу повезло? – последние слова Лаций произнёс с усмешкой.

– Да. Но он об этом не знает. И теперь всё кончено. Мы любим друг друга. Я не могу... Это ужасно!

– Подожди. А как же дети?

– Это не её дети. Они остались от другой жены из гарема умершего брата. Синг их усыновил. После смерти его брата жрецы сказали, что убивать детей нельзя, и он оставил их живыми вместе с Антазирой.

– Так что же, у неё совсем нет детей?

– Нет. Пока нет. Но она должна родить наследника, иначе её место займёт другая наложница. Она должна родить сына, – грустно закончил он.

– Как всё похоже... – хмыкнул Лаций. – Всё держится на любви, – он хотел добавить, что был о Патье лучшего мнения и считал его отзывчивым и честным человеком, но сдержался. – Ну ладно, а что ты собирался делать дальше?

– Ничего. Мы хотели бежать. Я договорился с купцами. Они могли спрятать нас на лодках. У них много лодок. Мы бы успели добраться до большой воды. А там и до моего родного города.

– Э-эх! Что ж ты молчал?! Если бы чуть раньше... О боги, как несправедливо! Почему ты ничего не сказал мне?! – искренне возмутился Лаций. – Я тебя столько раз спрашивал! Про лодки. Что же ты молчал! Как же так? Да-а... – протянул он и с досадой покачал головой.

– Она сойдёт с ума... от горя! Я умру с любовью в сердце! Я люблю её, – простонал Патья в приступе отчаянной жалости к самому себе.

– Вот зачем ты ходил прощаться с ней! Теперь понятно, – не обращая внимания на его жалобы, произнёс Лаций. На какое-то время оба замолчали, и в ночной тишине были слышны только треск и шипение дров в костре. На мокрой земле, прямо у их ног, муравьи пытались перетащить муху через небольшое углубление, но она упала в ямку и им никак не удавалось вытащить её обратно. Взяв камешек, Лаций придавил насекомое сверху, похоронив вместе с ним несколько маленьких трудолюбивых охотников. Потом нахмурился, поднял камень и посмотрел на муху. – Ты с ними тут разговаривал, – кивнул он в сторону сидевших у другого костра старейшин. – Они что-то говорили про реку, которая размывает дорогу, да? Не помнишь точно, что там с этой рекой?

– Да, говорили, – растерянно поднял на него взгляд Патья. – А что?

– Куда она ведёт? Я видел, вдоль дороги, туда, к горам. А дальше? – Лаций вспомнил узкую долину, по которой они добрались сюда.

– К их деревне, потом к горам... – напряжённо нахмурил лоб, ответил грек.

– Других дорог нет?

– Нет...

– Ну-ка спроси их ещё раз. И узнай, сколько людей в деревне!

Патья, всё ещё не понимая, что он задумал, отправился к соседнему костру и задал старейшинам несколько вопросов. Когда он вернулся, Лаций уже рисовал на земле кривые линии, но этот рисунок из кружочков и крестиков был понятен только ему.

– Что это? – спросил Патья, и Лаций вкратце рассказал ему свой замысел. – Нам нужны самые храбрые. Пятьсот человек.

– Ты – безумец! Даже боги не спасут нас от слонов и солдат падишаха Васудевы. Их слишком много!

– Делай, как я сказал. Если в деревне действительно есть пятьсот крестьян, то они нужны нам уже завтра. И их мотыги тоже!

– Там больше, но они – не воины. Ты не сможешь ничего сделать...

– Хватит скулить! Делай, как я сказал! – резко оборвал его Лаций. – Если, конечно, хочешь увидеть Антазиру ещё раз.

– Конечно, хочу! – прозвучал горячий ответ, и больше вопросов со стороны Патьи не возникло.

ГЛАВА IX. СРАЖЕНИЕ С ВОЙСКОМ ПАДИШАХА

Когда через пятнадцать дней первые воины падишаха Васудевы переправились через разлившуюся реку, им пришлось ещё два дня ждать слонов и обозы, которые переправлялись не так быстро, как пешие воины. Оказавшись на другом берегу, они удивились, что не видят перед собой врага. Падишах и его приближённые считали, что для солдат раджи было бы самым правильным встретить их у самой переправы, чтобы здесь нанести неожиданный удар. Именно поэтому первыми по мосту переправлялись лучники. Они готовы были начать стрельбу по противнику в любой момент.

Но впереди никого не было. Река мерно катила свои могучие воды вдоль невысоких, холмистых берегов, одинокие птицы неподвижно висели маленькими чёрными точками в вышине лазурного неба, и даже лёгкий, тёплый ветер, который дул со стороны чужой земли, казался приветливым и добрым. Ничто не предвещало беды. Повергнутое войско самодовольного раджи вряд ли смогло бы противостоять огромной армии, и это все понимали. Скорей всего, его трусливые воины прятались где-то неподалёку, между холмами. Может быть, они даже сейчас тайно наблюдали за переправой, но страх сковывал их сердца. Иначе бы они уже стояли здесь.

– Они испугались твоего войска, о великий падишах! – с радостью выкрикнул один из военачальников. – У тебя столько воинов, что они могут вычерпать эту реку своими шлемами!

– Тогда берите слонов и идите вперёд, пока не найдёте этих подлых змей, посмевших выступить против меня! – махнул рукой довольный Васудева. – Раздавите их жалкое войско и дойдите до столицы!

Колесницы медленно стали выравниваться на пологом берегу, направляясь в сторону невысоких гор. За ними начиналась дорога к столице Синга Бугхараджи, и, зная об этом, военачальники, которые уже видели горы трупов и горящие города, поспешили со своими воинами вперёд. Их не смутило, что единственная узкая дорога проходила между гор, петляя, как ядовитая змея в траве, и выходя в конце к небольшой маленькой речушке, которую они спокойно могли бы перейти даже без моста.

Тем временем Лаций и его новые помощники из деревни, вместе с немногочисленными воинами, которые остались после распределения дозорных, работали не покладая рук. Они успели подготовиться и сделали всё, как и планировали. Однако теперь наступило время для боя. И здесь всё могло уже пойти не по плану.

Лаций расставил воинов друг за другом поперёк узкой дороги, в несколько шеренг, как и в тот далёкий день, когда усунь, воспользовавшись небрежностью хунну, выскочили из города и отрезали их от основного войска Чжи Чжи. Но здесь были не римляне, понимавшие его с полуслова, а чужие воины, которые могли испугаться и побежать. Патъя старался переводить слова Лация по несколько раз, объясняя им, как подавать копьё, как менять раненых и как по команде отходить назад. Воины иногда смеялись над ним, устав слушать постоянные назидания, и даже показывали, что могут кинуть копьё в него, чтобы подтвердить свою силу.

Бедный грек сильно волновался, но теперь ему оставалось только молиться богам, чтобы они помогли этим полуголым воинам выстоять против многочисленной армии падишаха Васудевы. Паника мешала ему думать, страх сменялся отчаянием, и разум отказывался верить в то, что они выдержат. Однако надежда была. И единственный, кто это понимал, был Лаций. Его план включал в себя несколько этапов. Долгая история Рима сохранила немало примеров подобных сражений, и историю об одном из них, в Кавдинском ущелье, он запомнил с самого детства. Именно тогда римляне понадеялись на своё превосходство и жестоко поплатились

за это. Теперь Лаций хотел сделать то же самое с войском падишаха Васудевы. И горы должны были помочь ему в этом деле, превратившись в надёжных и непобедимых союзников.

Проход между скал у входа в ущелье был узким, в нём могли поместиться не больше пяти человек. Поэтому сражаться, по расчётам Лация, предстояло недолго. Но слаженно и отчаянно.

Когда вдали показались первые шеренги ничего не подозревающих воинов падишаха, тучи на небе разошлись и солнечные лучи осветили старые камни, как будто боги хотели получше рассмотреть, что будут делать на земле эти несчастные люди. Лаций с надеждой поднял глаза вверх и улыбнулся. Он был уверен, что это Аврора давала ему знак, поддерживая в предстоящей битве.

Длинная вереница людей и колесниц не спеша приближалась к узкому месту. Слонов ещё не было видно, но они должны были пройти здесь. Другой дороги не было. Однако волноваться не стоило. За ними с вершин утёсов следили почти тысяча человек с луками и особыми стрелами, к концам которых были привязаны пучки сухой травы. И ещё у каждой восьмёрки были по две длинных толстых палки, сделанных из стволов молодых деревьев. Они лежали рядом с большими камнями у самого края.

У падишаха было много воинов, однако у него не было птиц, которые могли бы подняться вверх и увидеть, что поджидало его в конце этого длинного пути, где узкое, виляющее ущелье с отвесными скалами расширялось и заканчивалось подъёмом к небольшой реке. Там в это время, падая от усталости и не разгибая спин, заканчивали свою работу крестьяне из близлежащего села.

До этого дня им помогала оставшаяся тысяча воинов. Они работали там уже целую неделю, спеша вырыть огромную яму прямо в конце дороги, на выходе из ущелья. Там, где она уже была глубокой, они накрывали её деревянным настилом из веток и посыпали сверху землёй. Лаций был уверен, что старейшины, с которыми они обсуждали этот план, сделают всё, чтобы спасти свою деревню от гибели. Самому ему было трудно передвигаться, потому что, забираясь на скалы над узким местом в ущелье, он поскользнулся и ударился коленом о камень. Теперь каждый шаг отдавался резкой болью, а о том, чтобы присесть без стопа, не могло быть и речи.

В деревне сделали палку из корня большого светло-коричневого дерева, и Лаций, к своему удивлению, обнаружил, что она не ломалась и даже с трудом поддавалась острому лезвию его меча. Пожалуй, она гнулась немного хуже той палки, которая была у старого знахаря Дао Цаня, но, в целом, ничем ей не уступала. Он попросил крестьян заточить один конец о пористый камень и через день те сумели превратить её в настоящее копьё. Вспомнив Годзю, Лаций надел на остриё кусок высушенного корня и стал теперь передвигаться гораздо быстрее. Он надеялся, что через несколько дней колено пройдёт, но всё затянулось намного дольше.

Солнце уже прошло треть своего пути, когда первые воины падишаха вышли из ущелья и неожиданно упёрлись в ошестинившиеся копьями щиты первой сотни противника. Однако напасть на них было невозможно, так как вся дорога на протяжении двадцати шагов была утыкана острыми палками, и чтобы добраться до первых щитов, воинам падишаха надо было сначала преодолеть эту несложную, но опасную преграду. Идущие сзади напирали, не зная причины внезапной остановки передних, и подталкивали тех прямо на острые наконечники воткнутых в землю длинных палок.

Лаций ждал, когда они рванутся вперёд, чтобы силой прорваться сквозь эту преграду. Так и случилось: воины падишаха, разозлившись, подошли ближе и стали рубить колья. Как только это началось, Лаций дал команду атаковать. Третья и четвёртая шеренги размахнулись и бросили вперёд короткие копья. Все они попали в цель, и перед сужением в скалах сразу образовалась куча тел. Однако тем, кто стоял у них за спинами, отступать было некуда. Копья

продолжали лететь, и количество убитых и раненых увеличивалось. Крики о помощи превратились в сплошной стон, и теперь настало время камней.

Лаций махнул рукой, и Патъя выкрикнул команду. В небо взметнулись несколько птиц. На скалах ждали этого сигнала. Вниз сразу полетели заранее собранные камни. Воины успели собрать их достаточно много и теперь, увидев сигнал, стали сталкивать и сбрасывать их на головы толпившихся внизу врагов. Валуны сносили десятки людей, внося панику в ряды противника. Через какое-то время они отступили, оставив на дороге, длиной в сто шагов, около двух сотен убитых и раненых. Теперь наступил самый важный момент. Лаций ждал, пустит ли Васудева слонов, чтобы пожалеть людей, или нет.

Падишах оказался плохим воином. Самолюбие и амбиции взяли верх, поэтому вперёд пошли пешие бойцы, однако камни и тела товарищей мешали им свободно передвигаться. Добраться до того места, где их ждали воины раджи, было теперь намного труднее. Копья снова и снова удачно попадали в цель, но противник не останавливался и, в конце концов, приблизился вплотную. Подталкивая друг друга в спину, солдаты падишаха рубили воткнутые в землю заострённые палки, падали, и по их телам шли следующие.

Когда до передней шеренги оставалось около пяти шагов, Лаций дал команду, и воины раджи быстро отбежали назад. Теперь расстояние между ними снова увеличилось. Разъярённые враги рванулись вперёд, но несколько десятков сразу же упали, сражённые короткими копьями, брошенными из глубины. Так повторялось несколько раз, пока на дороге не выросли новые горы тел, и противнику пришлось остановиться, чтобы расчистить путь. Лаций ждал самого главного – падишах должен был пустить вперёд слонов. И тот не разочаровал его. Более того, Васудева, разъярённый сообщениями о неудачах, сам приехал в ущелье, чтобы лично видеть, как большие животные проложат путь его воинам. О такой удаче можно было только мечтать!

Лаций быстро передал Патье команду, и несколько человек позади последней шеренги стали махать из стороны в сторону привязанными к палкам яркими тряпками. Это был сигнал тем, кто находился сейчас на самом верху у входа в ущелье. Двести человек за неделю готовили там несколько десятков огромных камней, которые должны были загородить дорогу в конце, когда войско неприятеля полностью зайдёт внутрь.

В это время передние шеренги обороняющихся, стараясь держаться плечом к плечу, медленно отходили назад. Лаций постоянно передавал команды Патье, а тот – воинам, чтобы те держали щиты выше и отступали медленно. Противник обязательно должен был видеть их перед собой в боевом порядке.

И вот впереди появились большие серые фигуры. Слоны двигались размеренно и спокойно. Сверху раздался крик птицы. Это был условный сигнал. Он означал, что все воины падишаха вошли в ущелье и теперь находились внутри, зажатые между почти отвесными скалами. Лаций с трудом забрался на ближайшую скалу и, к своему удивлению, увидел, что армия врага насчитывала не более пяти-шести тысяч человек. С таким количеством справиться было легче.

Однако сначала надо было перегородить путь к отступлению. Он кивнул юному греку, и за их спинами раздался ответный крик птицы – знак сбрасывать огромные валуны в дальнем конце, сразу за спинами последних воинов падишаха. После этого отступать тем уже было некуда.

Солнце прошло по небосклону половину пути. Но если раньше до Лация доносились крики погонщиков, то теперь над ущельем повисла напряжённая тишина. Скорей всего, падишаху, наконец, сообщили, что ущелье завалено камнями, и сейчас тот решал, что делать дальше. Назад дороги не было, а впереди стояли дерзкие полуголые воины раджи. Для великого победителя и самовлюблённого владыки северных земель это было невероятным вызо-

вом. Но он почему-то не спешил бросать своих воинов вперёд. Ему надо было помочь, и Лаций знал, как это сделать...

– Патья, выпускай «быстрых крестьян»! – выкрикнул он, и вскоре на дороге показались десятка полтора молодых полуголых юношей. Они повернулись к противнику спиной, приподняли набедренные повязки и присели прямо перед ними справлять нужду.

Уловка сработала. В стане врага раздались крики возмущения. Одна колесница рванулась вперёд. За ней побежали десятка три пехотинцев. Однако голые возмутители спокойствия не стали ждать их приближения и поспешили вернуться обратно. Юноши пробежали мимо готовых к бою копьеметателей, и разгорячённый возница врага вместе с воином в дорогой одежде стали их первыми жертвами. После того как копья попали им в грудь, лошади пробежали ещё несколько шагов на большой скорости и потом замедлили шаг, чуть не налетев на переднюю шеренгу. Их сразу же схватили за поводья и увели назад.

Ещё пять-шесть пехотинцев тоже нашли свою смерть от брошенных почти в упор копий, остальные успели остановиться и быстро вернулись назад. Со стороны противника раздались крики ярости и возмущения. И тут падишах пустил вперёд слонов. Лаций с облегчением вздохнул и поспешил спуститься вниз, к своим воинам.

– Всё готово? – спросил он молодого грека. Патья кивнул и выкрикнул команду. На скалах показались головы двух десятков человек. В руках у них были длинные сухие растения, похожие на верёвки. Другие держали пучки веток, собранные в факелы. Чуть дальше прятались лучники. Патья несколько раз махнул куском красной ткани. – Теперь ждём, – сказал Лаций, и они подошли к одной единственной шеренге, которая стояла на самом краю присыпанных землёй настилов. Прямо у них за спиной, всего в полушаге, пряталась под настилом большая яма. Дальше отступать было некуда. Вдоль скал шла небольшая узкая тропинка, шириной с локоть, по которой они должны были по команде убежать назад.

Слоны показались из-за поворота, как грозные серые тучи, и по рядам воинов пробежала волна страха. Огромные животные внушали ужас своими размерами. До них было не более ста шагов сухой земли, в которую были воткнуты палки. На концах были примотаны большие пучки травы. Воины начали испуганно оглядываться и переминаясь с ноги на ногу.

– Ждём! – выкрикнул Патья. Они с Лацием стояли рядом, и это заставило полуголых защитников раджи остаться на месте, хотя по лицам было видно, что они готовы в любой момент помчаться назад.

– Так, ещё чуть-чуть... ещё... – бормотал Лаций, и когда до первого животного оставалось пятьдесят шагов, крикнул: – Зажигай! Кидай! – Патья сразу передал команду на скалы, и на слонов сверху посыпались горящие стрелы и пучки сухих лиан. А впереди перепуганные воины раджи из передней шеренги дрожащими руками поджигали траву на вкопанных в землю кольях.

Первый слон, подняв хобот, испуганно затрубил, и возница стал бить его по голове острой палкой. Однако на спину огромному животному продолжали падать горящие ветки и верёвки, только увеличивая его панику. Одна из них зацепилась за хобот, обожгла кожу, и слон заревел с такой силой, что даже Лаций невольно отшатнулся, опасаясь, что тот может рвануться вперёд. Однако торчащие копья с горящей травой сделали своё дело – слон развернулся и, сбросив на землю маленького человечка, понёсся по ущелью назад.

С остальными животными происходило то же самое: сверху на них падали горящие травы и ветки, и они в панике топтали идущих рядом с ними воинов. Вскоре уже все слоны бежали по дороге назад, давя на своём пути всех, кто не успевал отойти в сторону или спрятаться за скалами. Но никто из воинов падишаха не знал, что в конце ущелья их ждали другие поджигатели с такими же пучками травы и ветками.

Лаций внимательно наблюдал за первыми рядами противника. Всадники и колесницы с трудом сдерживались, чтобы не рвануться вперёд. Несмотря на панику среди пехотинцев, те

чего-то ждали. Наконец, появился сам падишах. Он ехал в обитой золотыми кругами колеснице, грозно наклонившись вперёд. Весь его вид выражал решительность. Остановившись в тридцати шагах от догоравших палок с сухой травой, он протянул копьё в их сторону и что-то сказал своим военачальникам. Лаций ещё раз оглянулся.

Земля высохла, и следов работы видно не было. Дорога в этом месте расширялась и была около двадцати шагов в длину. Это должно было вдохновить падишаха и его воинов на рывок. И когда над их колесницами раздался призывный клич, стало ясно, что сейчас начнётся самое главное. Они готовы были атаковать!

– Назад! – приказал Лаций, и пехотинцы устремились к узкой полоске вдоль скал. Они растянулись цепочкой и из-за этого двигались медленно. Их легко можно было догнать, но падишах этого не заметил. Его внимание было приковано к стоявшим вдалеке воинам с копьями. До них было около трёхсот шагов. Это была вторая тысяча, которая до этого дня тоже готовила врагу ловушку.

Со стороны падишаха они должны были казаться маленькой горсточкой отчаянных храбрецов, которых легко можно было опрокинуть прямо в видневшуюся за их спинами реку. Вскоре к ним благополучно присоединились те, кто поджигал палки с травой, и теперь Лаций ждал, тяжело дыша и опираясь на палку, последнего события – нападения колесниц и всадников.

Падишах Васудева стоял и грозно смотрел вперёд, сжимая рукоять кривого меча. Все копья и заграждения на пути его воинов были сломаны, впереди не осталось никаких преград, но в пылу преследования никто не обратил внимания на то, что дорога стала не такой утоптанной и пыльной, как раньше. До полуголых воинов раджи оставалось совсем немного! Их плотные ряды виднелись сквозь поднятую колёсами пыль. Охваченные яростью всадники и воины в колесницах неслись прямо навстречу своей гибели.

Вот первые лошади вылетели на настилы и даже сделали несколько шагов. Вот они даже продвинулись вперёд ещё на полкорпуса, и в какой-то момент Лацию показалось, что палки из бамбука выдержат их и не провалятся, но тут в воздухе раздался громкий треск и около полусотни человек, не успев остановиться, рухнули вниз. За ними последовали ещё пару десятков тех, кто просто не успел замедлить своё движение, хотя они и видели разверзшуюся под ногами яму. Они упали сверху, получив удар в спину от напиравших сзади товарищей.

И только после этого движение начало замедляться, хотя испуганные пехотинцы продолжали сползать в яму, подталкиваемые теми, кто двигался вперёд. Лаций махнул рукой, и Патья приказал кидать копья и стрелять из луков. Вскоре столпившиеся с противоположной стороны всадники были перебиты, а остальные вынуждены были отойти на безопасное расстояние.

В этот момент из глубины ущелья раздался рёв слонов. Топот животных становился всё громче и громче, и воины падишаха в ужасе бросились в разные стороны. Однако было уже поздно – слоны возвращались обратно, и спрятаться от них было невозможно. Они топтали всех подряд. Те, кто отошёл от ямы, теперь рванулись обратно и, спасаясь от разъярённых животных, посыпались вниз, а сверху, ревя от боли и ужаса, на них стали падать громадные серые тела ревущих слонов. Даже воины раджи были поражены страданиями своих врагов. С окаменевшими лицами они наблюдали за развернувшейся перед ними трагедией, и только громкий голос Патьи, озвучившего команду Лация, вывел их из этого состояния:

– Поджечь стрелы! Стреляй! – крикнул он. Разбрасывая в стороны искры и горящие травинки, смертоносные стрелы полетели в яму, доводя слонов до безумия. Тех, кого они не затоптали, добивали лучники. Дальше со скал стали стрелять те воины, которые перед этим загородили вход камнями. На врага посыпались сотни стрел и копий, и Лацию это напомнило страшное небо под Каррами, когда парфянские стрелы закрыли им солнце.

Всё было кончено ещё до захода. У падишаха в живых осталось не более тысячи человек. Они отошли к отвесным скалам, откуда их нельзя было достать лучникам, и спрятались там.

Как ни странно, Васудеве тоже удалось выжить – его блестящий шлем и ярко-зелёная одежда сильно выделялись на фоне серых рубашек простых воинов. Лаций приказал Патье подняться вверх, пройти вдоль скалы и передать падишаху, что ему предлагают сдаться. Ответа не последовало.

Наступал вечер, и скоро на землю должна была опуститься непроглядная тьма. Пора было обезопасить себя и отгородиться от врага ещё одной преградой.

– Пускай воду! – крикнул Лаций, и Патья тот передал команду крестьянам, которые, онемев, стояли у скал, наблюдая издалека за невиданным побоищем. Услышав его голос, они сразу кинулись к выкопанной траншее и стали пробивать перегородку, которая отделяла верхний край реки от выкопанной ямы.

Когда вода, наконец, хлынула в образовавшееся отверстие и полилась в яму со слонами, солнце как раз коснулось края гор. Снизу раздались крики ужаса, но вскоре всё затихло. Поражённые воины обеих армий стояли с двух сторон и смотрели, как вода постепенно наполняет яму, поднимая вверх тела убитых.

Вскоре наступила ночь, и в зловещей тишине был слышен только треск дров в кострах, которые сплошной линией разожгли вдоль ямы воины раджи. Точно такие же костры были разожжены по всем скалам над ущельем, чтобы враг понял, что окружён и выхода у него нет.

ГЛАВА X. МУДРОЕ ПЕРЕМИРИЕ

Ночь прошла тихо. Падишах Васудева оказался не только храбрым, но и умным. Он сам прислал посла, и они договорились о переговорах. Причём на стороне воинов раджи. Другого выхода у него не было.

Когда Васудева первым ступил на узкую тропинку, земля под ногами стала осыпаться. Вода сделала своё дело, и теперь ему приходилось идти почти у самой кромки, опираясь руками о скалы, чтобы не соскользнуть вниз. Вместе с ним перешли ещё пять человек его личной охраны. Патья приказал им сложить оружие и только тогда разрешил приблизиться к месту переговоров.

– Молодец, понимаешь, что надо делать! – похвалил его Лаций. Услышав его голос, падишах обернулся и замер от удивления. Его охранники тоже уставились на лысого незнакомца со шрамом на лице и замолчали. – Ну что стали? Подходите! Понравилось Кавдинское ущелье? – усмехнулся Лаций, но на его слова никто не ответил. – Ладно, Патья, посмотри у каждого под рубашкой! Вдруг они там ножи прячут, – приказал он и довольно улыбнулся, когда у одного действительно нашли красивый острый кинжал. Покрутив его в руках, Лаций вздохнул и сказал: – Я бы, наверное, сделал то же самое... – юный грек, не поняв, повернулся к нему за разъяснением, но Лаций поспешил успокоить его: – Хороший нож. Мне очень нравится. Возьму себе, – Патья с недоумением пожал плечами.

– Что дальше делать? – спросил он.

– Надо найти кожу, папирус или тряпку и подписать мирный договор, – сказал Лаций. – На двадцать лет. Давай, приступай!

Падишах оказался молодым человеком, хотя Лаций ожидал увидеть перед собой более опытного и пожилого воина. В его лице было что-то неуловимо знакомое, и когда он понял, что видел такие же глаза много лет назад у одного из гостей на свадьбе царя Орода, Патья уже умудрился обсудить общие условия мира и, кряхтя, что-то писал на куске белой рубашки, от которой для удобства были оторваны рукава.

Лаций потёр больное колено и постучал лезвием красивого кинжала по палке. Увидев, что следов почти не осталось, довольно спросил:

– Как тебя зовут? Падишах Васудева?

– Пардажваз Васудева, – гордо произнёс молодой правитель.

– А как звали твоего отца? – Патья, который был вынужден оторваться от рисования букв и переводить, с удивлением поднял на него взгляд.

– Вирупакша Васудева, – брови молодого индуса сдвинулись на переносице, и во взгляде появилась настороженность.

– Да, так и есть! Твой отец был на свадьбе царя Орода в городе Экбатане! Это было давно. Наверное, ты ещё не родился. У царя Орода была молодая красивая жена. Её звали Заира. Она была дочерью Абгара из Осроены. Интересно, он ещё жив?.. – обращаясь, скорее, к самому себе, со вздохом произнёс он. Патья перевёл и ждал, что будет дальше.

– Ты кто? – резко спросил падишах, и в его голосе послышался страх.

– Я? – переспросил Лаций. – Я – легат римской армии консула Марка Красса. Меня зовут Лаций Корнелий Сципион. Но тебе это имя вряд ли что-то скажет.

– Марк Красс?! – воскликнул Васудева. – О, я знаю! Отец рассказывал мне об этой битве. Сурена разбил его под Каррами!

– Да, да, так всё и было, – грустно согласился Лаций и повернулся к юному греку, который хлопал глазами и смотрел на него, ничего не понимая. – Ну что ты сегодня такой медлительный? Давай, заканчивай! Договор важнее всего.

Когда Патья, высунув от напряжения язык и вытирая со лба пот, жмурясь от лучей яркого, жаркого солнца и недовольно пыхтя, закончил писать условия перемирия, ему пришлось озвучить весь текст падишаху. Тот молчал и изредка бросал на Лация хмурые взгляды. Наконец Васудева согласился поставить своё имя под странным договором, и Лаций дополнительно попросил его закрасить ладонь золой и приложить рядом.

Теперь все условия были соблюдены, и Патья, встав, стал собирать воинов, чтобы те проводили падишаха до самого моста. Но не успел он сделать несколько шагов, как один из стражников, воспользовавшись его невнимательностью, схватил лежавшую у костра короткую палку и бросился на него сзади. Если бы молодой грек стоял рядом, его судьба была бы решена и он лежал бы на земле с проломленной головой, но, к счастью, он отошёл на несколько шагов вперёд, объясняя своим людям, как обыскивать воинов падишаха, когда те станут переходить на эту сторону.

Эти шесть-семь шагов и спасли его жизнь. Лаций увидел движение воина, когда тот ещё только наклонился за палкой. Мгновенно оценив обстановку, он выхватил из ножен красивый кинжал. Нападавший успел сделать два шага в направлении Патьи, когда сзади раздался резкий свист летящего лезвия. Молодой грек что-то говорил, но, увидев, как перекошилось от страха лицо стоявшего перед ним воина, резко обернулся. Он увидел перекошенный в немом крике рот и удивлённые глаза человека, который держал в поднятой руке дымящуюся палку, занеся её над головой и почему-то остановившись на полпути. Несчастный смотрел на него полным боли и отчаяния взглядом, вытянувшись всем телом вверх для сильного удара.

Это длилось всего мгновение. Потом воин выдохнул воздух из груди, как будто только это и держало его на ногах, и стал медленно клониться вперёд. Палка выпала из ослабшей руки, и он всем телом завалился на юного грека, сбив его с ног. Подоспевшие люди оттащили его в сторону, а перепуганный Патья не мог оторвать взгляд от торчавшей из спины рукоятка кинжала.

– Будь внимателен! Никогда не поворачивайся к врагу спиной! – устало кивнул ему Лаций и, опираясь на палку, подошёл к телу. Затем, как ни в чём не бывало, вытащил нож и вытер его о рукав трупя. На всех окружающих эта сцена произвела такое впечатление, как будто это был не нож, а молния. Молодой падишах впился ногтями в ладони и нервно кусал губы, переводя взгляд с Лация на своего воина и обратно.

– Здесь везде враги, – пробормотал Патья и приказал начинать сбор пленных у скалы. После этого им стали по очереди связывать руки, и только одному Васудеве было позволено передвигаться без веревок. Вскоре вереница понуро опустивших головы людей потянулась в обход скал к реке, к построенному ими мосту.

Солнце, как будто сочувствовало им, прячась за хмурыми тучами, все скалы и горы потемнели, превратившись в одноцветные нагромождения камней, и до самого заката все шли молча – и пленные, и сопровождавшие их воины раджи. У переправы, несмотря на наступивший вечер и скорую ночь, их всех отпустили, и Лаций, проводив падишаха Васудеву долгим взглядом, приказал Патье поджечь мост.

– Так будет спокойнее, – объяснил он и, убедившись, что пламя занялось, стал готовиться к ночлегу. На следующий день они вернулись к яме, где крестьяне уже срывали землю по краям, чтобы вывести оттуда оставшихся в живых двух или трёх слонов. Животные сутки простояли по уши в воде, иногда поливая себя из хоботов, а иногда трубя, как бы прося людей освободить их из водного заточения.

– Зачем нам слоны? – спросил его Патья.

– Представь, как обрадуется Синг, когда увидит нас на слонах! Ты же сам говорил, что слоны – знак власти и богатства. Смотри, теперь они у нас есть! Правда, без украшений, но это не страшно. Мы скажем, что слоны воевали на нашей стороне и победили падишаха. Улыбнись! Раджа обрадуется, и тогда ему будет легче отпустить меня из города... – Лаций осёкся,

вспомнив, что его планы не совпадают с планами этого молодого и очень способного грека, попавшего в ужасную ситуацию с женой правителя. Особенно теперь, после победы над могущественным врагом. – Ладно, не грусти! – попытался подбодрить его Лаций. – Наверняка, в столице будет праздник, и ты сможешь сбежать со своей любимой. Никто и не заметит. Все снова надышатся этой травой и не увидят тебя. Главное, только сделать всё тихо, – добавил он, но Патя ничего не ответил. Он шёл рядом, опустив голову, и Лаций подумал, что тот слишком переживает о своей любви. Это было понятно. Однако молодой грек думал совсем о другом. И всю дорогу до ближайшего города они ехали молча.

ГЛАВА XI. ПОБЕДА ПРЕВРАЩАЕТСЯ В ПОРАЖЕНИЕ

В ближайшем городе все уже были готовы встречать падишаха Васудеву, и местная знать старалась собрать дары, чтобы избежать разграбления своих домов. Единственным принципиальным человеком оказался наместник раджи. Он заявил о своей верности радже Сингу. После этого он не захотел сдаваться без боя и вышел с небольшим войском перед воротами, чтобы защищать свой город до последнего. Перед этим он успел отправить в столицу гонца с известием, что на него наступает страшная армия падишаха Васудевы, но он идёт на смерть и постарается остановить его слонов ценой собственной жизни.

В столице гонца встретили с ужасом.

– Идут, идут! Войска падишаха уже близко! – передавали друг другу слухи придворные и слуги, провожая взглядами всадника, который спешил по ступеням дворца. Синг Бугхараджа взбудоражено вбежал в большой зал и, с трудом сдерживая волнение, сел на трон. После этого пригласили гонца.

– Что ты видел? Что там? – спросил его ближайший советник раджи.

– Мой господин прислал меня, чтобы сказать о войске падишаха Васудевы. Мы видели его слонов на дороге. Мой господин вышел из города, чтобы остановить их. Он готов отдать жизнь за тебя, великий раджа! – лаконично произнёс тот.

– Слоны... Это – войско падишаха... – пробормотал Синг Бугхараджа и махнул рукой, отпуская всадника. Для всех придворных было ясно, что войско с Патьей и Лацием погибло.

Когда гонец ушёл, раджа поспешил к жене. Та уже всё знала и горько плакала, стоя у небольшого окна в своей комнате. – Что с тобой? – удивился он, услышав её рыдания. – Почему ты плачешь?

– Все погибли? – спросила сквозь слёзы Антазира.

– Да, конечно! Кто может остановить десятки слонов? И тысячи воинов? Это невозможно. Но Патья помог сдержать их, пока мы готовились. Завтра все вещи будут погружены на лодки, и мы сможем уплыть в Камбей. Там я соберу новую армию и вернусь в город! – с пылом сказал он, но красавица жена расплакалась ещё сильнее. Надо было её успокоить. – Не плачь! Всё золото и драгоценности уже погрузили. Тебе будет там хорошо. Как и здесь, – он не понимал, почему ещё вчера она поддерживала и даже успокаивала его, а сегодня вдруг так расстроилась. Но женщины всегда вели себя странно, поэтому Синг решил оставить её служанкам. Сам он поспешил к брахманам. Те хотели вывезти из храмов несколько золотых статуй богов, чтобы те не достались падишаху. Для этого они попросили добавить лодки и соединить их вместе для надёжности.

В это время Лаций и Патья принимали радостные поздравления жителей приграничного города.

– Слушай, Патья, тебе надо скакать в столицу, если ты хочешь застать свою любимую живой, – заметил Лаций, услышав от растроганного главы города, что он утром отправил к радже гонца, приняв их за войско падишаха.

– Почему? – насторожился молодой грек.

– Синг – горячий человек. Он может убить Антазиру и весь гарем. А потом и себя, чтобы никому не досталось. Он такой, ты же знаешь. Мне показалось, что он очень любит её, или это не так?

– Э-э... – замаялся Патья, не зная, что сказать, потому что это была правда. – Наверное, любит. Но разве он убьёт её?

– Убьёт, убьёт, это точно, – уже более уверенно добавил Лаций и хмуро покачал головой, окончательно вселив в молодого грека панику и страх за любимую. Общение с варварами убедило Лация в том, что те решали подобные вопросы быстро и легко – при помощи меча.

– Тогда надо найти лошадь! – взволнованно произнёс грек.

– Надо. Иди к этому старому индусу. Попытайся выпросить у него любую лошадь. Прямо сейчас, – посоветовал он, и Патья исчез, как будто его здесь и не было. Лаций усмехнулся и пошёл смотреть, как делают корзины для слонов. Индусы предложили перебросить их через спину животных, чтобы люди могли сидеть с двух сторон и туда ещё можно было положить вещи. Ему это понравилось, потому что боль в колене прошла, но он всё ещё прихрамывал, чувствуя слабость и неуверенность при ходьбе.

Через пять дней они наконец-то добрались до столицы, и прямо у ворот их радостно встречали все жители города. Оказалось, что Патья прибыл сюда совсем недавно, всего два дня назад. Сам раджа ждал Лация на дворцовой площади, где вокруг его трона почтительно толпились придворные и слуги, рабы держали на поводках леопардов, а выстроившиеся вдоль стен воины поражали белизной своих тюрбанов и блеском мечей, которые лежали у них на плечах.

Когда Лаций подошёл к трону, опираясь на свою, на лица многих приближённых раджи появились улыбки. Но сам раджа не улыбался.

– Зачем ты привёл так много слонов? – вкрадчиво спросил Синг. Какой-то новый слуга перевёл его слова, и Лаций заметил, что рядом нет Патьи. Внутри сразу всё напряглось.

– Разве Патья не рассказал тебе, что они помогли нам выиграть битву? – вопросом на вопрос ответил он.

– Ты говоришь с раджей, – осторожно напомнил один из придворных и сделал такие глаза, как будто ему в спину воткнули нож.

– Твои воины почти не пострадали. Мы потеряли всего двадцать человек, – сказал Лаций, осторожно оглядываясь по сторонам. На радушный приём это не походило.

– А где войско Васудевы? – с наигранной наивностью спросил Синг Бугхараджа.

– Твои воины разгромили его, – всё ещё надеясь на хорошее, произнёс Лаций. Но кислое выражение на лице Синга и тишина в толпе придворных говорили о том, что эта победа почему-то никого не радует.

– А где пленные рабы? И где сам Васудева? – воскликнул раджа.

– Мы привезли только его оружие. Падишах подписал мирный договор и поставил под ним своё имя, он поклялся больше никогда не нападать на твои земли... – начал объяснять Лаций, но Синг его не слушал. Лаций замолчал и задумался. Он терялся в догадках. Что произошло? Неужели радже нужен был свой собственный триумф? Зачем? Чтобы показать всем, что он победитель?

– Какой договор?! – кричал раджа. – Смерть врага – самый лучший договор! Что он пообещал тебе взамен, скажи, чужеземец?

– Он пообещал не нападать на твои земли, – снова повторил Лаций и попытался рассказать, как всё было. Для него подписанный противником договор был важнее всего на свете. Однако раджа, видимо, думал по-другому. Когда Лаций закончил, тот кивнул начальнику стражи и к нему направились два воина с мечами. Они схватили Лация за руки и достали из-за пояса красивый длинный кинжал с золотыми украшениями и камнем на конце рукоятки. Ничего больше не найдя, они положили его у ног раджи. Тот покачал головой и сказал:

– Ты хотел убить меня этим кинжалом, да? Я знаю, что ты умеешь бросать его, как копье. Говори, когда Васудева придёт сюда со своими воинами? Что он тебе пообещал? Ты договорился с ним убить меня, чтобы уехать к себе на родину? Да? Говори! – выкрикнул он, но Лаций только вздохнул и ничего не ответил. Тучи стремительно сгущались у него над головой, и пытаться оправдаться сейчас было бесполезно.

– А где Патья? – спросил он. – Договор с Васудевой был у него.

– Ты хитрый! Ты хочешь убить моего слугу, да? – рассмеялся Синг. – Я вижу тебя насквозь. Ему чудом удалось вырваться из твоих рук, и теперь ты хочешь отомстить? Не-е-ет, у тебя ничего не получится. Ты сам умрёшь! Но я помню, что ты воин. Поэтому ты умрёшь в бою, если раньше твоё сердце не разорвётся от страха! – и он снова рассмеялся, стукнув ладонями по коленям. – Сейчас мы посмотрим, какой ты храбрый. Паржаваз! Покажи ему, как сражаются воины раджи! – крикнул Синг и откинулся на троне, предвкушая интересное зрелище. Лаций поймал себя на мысли, что ужасно устал и хочет отдохнуть. Руки и ноги были вялыми, в голове висел серый туман... Это было какой-то нелепой ошибкой. Ведь он уже забыл, когда держал в руках меч... и не ожидал такого предательства от Патьи, хотя столько раз давал себе слово никогда никому не верить.

– О, великий раджа, – с трудом говоря, обратился он к Сингу, – я не владыка мира и не всеильный Юпитер, чтобы решать, кому жить на земле, а кому перейти в царство мёртвых. Я прошу тебя смилостивиться надо мной и не выставлять на посмешище перед людьми. Это – очень сильный воин, – он показал на вышедшего из толпы огромного мускулистого стражника, который даже не сомневался в своём превосходстве и снисходительно поглядывал на опиравшегося на палку чужестранца.

– Ха! – воскликнул Синг. – Ты прав. Ты не можешь решать судьбы смертных! Это делаю я! Так что готовься к бою. И покажи, на что способен. Если победишь, я отпущу тебя живым! – самодовольно добавил он и хлопнул в ладоши. Слуга перевёл последние слова и поклонился.

– Но у меня нет меча, – развёл руки в стороны Лаций.

– Если ты победил Васудеву, то тебе не нужен меч! – прозвучал короткий ответ.

Лацию нечего было противопоставить молодости и силе своего противника. У него не было ничего, кроме любимой палки, к которой он уже успел привыкнуть. Однако она не могла его защитить, как меч и щит. К тому же, силы уже были не те, он чувствовал, что движется медленнее и не сможет сражаться так, как делал это ещё год или два назад. Может быть, в империи Хань он ещё и рискнул бы сойтись в бою с таким сильным воином, но сейчас руки уже отказывались держать оружие, а ноги начинали дрожать в коленях после тысячи шагов.

Подлый голос слабости и отчаяния шептал в глубине души, что никто не вечен и надо спокойно принять приговор Фортуны. Лаций, к своему ужасу, был с этим согласен. Однако что-то не давало ему смириться с этим приговором, подсказывая, что Юпитер и Аврора не покинут его в трудный момент.

Сбоку послышались шаги и шумное дыхание индуса. Лаций успел заметить, как тот начинает заносить над плечом свой кривой меч с широким лезвием, как внимательно смотрит на него своими глубокими, чёрными глазами, которые казались невероятно большими на фоне белоснежных белков, и как хищно растопырились его ноздри в предвкушении быстрой победы.

Он хорошо знал таких воинов – они старались решить всё одним ударом или просто смять противника грубой силой. Раньше бы этот медно-блестящий громила не успел бы сделать и трёх шагов, как оказался бы на земле, поливая своей кровью бесцветную пыль старой площади. Но всё это было раньше, а теперь Лаций не мог даже отбежать в сторону, не то что сделать быстрый выпад вперёд.

Чтобы избежать сокрушительного удара, он принял единственно верное решение – шагнул навстречу надвигающейся горе мышц. Индус ещё не успел до конца замахнуться и держал меч приподнятым над плечом. Быстрое сближение с противником оказалось для него неожиданным, и он не успел остановиться, столкнувшись с ним грудью. Хотя Лаций сам был крепкого телосложения, воин раджи двигался быстрее и поэтому сбил его с ног. Они оба покатались в пыль. Молодой индус вбывстро вскочил на ноги, а Лаций остался лежать без движения, как-то неестественно поджав под себя ноги, как будто умер и смерть застала его именно в такой неудобной позе.

Во время падения он больно ударился коленом о ногу противника и теперь чувствовал, что не сможет встать без опоры на палку. Воин раджи растерянно обводил взглядом взбуждено шумящих придворных, явно не зная, что делать. Он ещё не успел оправиться от недоумения и чувства неловкости, которое вызвал у него поступок Лация, но неподвижное тело на земле придало ему уверенности. Обернувшись к трону, он гордо расправил плечи и поклонился. Затем поднял над головой кривой меч и что-то громко крикнул, видимо, славя своего господина. Однако Синг Бугхараджа был явно разочарован такой быстрой победой. Он ожидал хоть какого-то сопротивления от чужестранца, о котором ходили целые легенды. Но делать было нечего. Тот лежал на земле и не шевелился. Раджа поднял ладонь вверх, и все замолчали.

– Это – плохой воин. Он не умеет сражаться. Поэтому он не мог победить Васудеву. Он соврал нам. У него был слишком длинный язык и короткие руки, чтобы остановить моего воина. Пусть его мясо достанется тиграм. Разруби его на куски! – приказал он Паржавазу и устало откинулся на спинку деревянного трона.

Все вокруг радостно закричали. Народ любил ужасные казни, но в последнее время их почти не было. Синг вспомнил, что из самого верхнего окна за ним наблюдает любимая жена Антазира, и от этой мысли ему стало приятно. Он безумно любил её и надеялся этой казнью развеять грусть, которая не покидала её последние несколько дней.

Молодой воин в это время развернулся к лежащему в пыли Лацию. Тот приподнялся и, опираясь на руки, посмотрел на него внимательным взглядом. Но Паржаваз видел только искажённое болью лицо со шрамом, и ему казалось, что это – признак слабости и страха. Он занёс меч над головой, и у Лация мелькнула мысль, что он мог бы достать им небо. Могучее тело выгнулось дугой, мышцы на руках напряглись, он поднялся на носки, растянулся на замахе и на короткое мгновение замер, как великолепная греческая статуя.

Окружающие затихли в ожидании последнего удара и фонтана крови, которая должна была залить каменные плиты перед тронном раджи. Сталь слегка запыхавшегося клинка ослепительно вспыхнула солнечным бликом над головой Паржавазы и замерла в самом вершине. Лаций видел это и ждал, неподвижно и спокойно, только правая рука крепко сжимала палку.

Никто так и не успел понять, что произошло. Все были так увлечены сильным и мощным замахом Паржавазы, настолько красиво выглядело в лучах яркого солнца его мускулистое, вспотевшее тело, что никто не обратил внимание, как поверженный чужестранец приподнялся и вытянул вперёд свою палку. Тем немногим, кто случайно заметил это, показалось, что он умолял о пощаде, опираясь на руку. Однако сам Паржаваз этого не видел. Он только почувствовал, как что-то упёрлось ему под рёбра, твёрдое и острое. Воин хотел взглянуть вниз, но было уже поздно – растянувшееся дугой тело не дало ему это сделать. Руки рванулись вниз, как водопад с отвесной скалы, и увлекли за собой плечи, голову и грудь.

Всё произошло в одно мгновение: острый конец палки пробил кожу, как лист папоротника, древко вошло глубоко в грудь и остановило мощный удар, который замер где-то на половине. Паржаваз вздрогнул и сломался пополам, как будто невидимая стрела пронзила его в самое сердце. В полной тишине вельможи и слуги, онемев, смотрели на острый красный конец, который торчал у него из спины возле левой лопатки. Воин медленно уронил голову на грудь, руки безвольно повисли вдоль туловища, и вся эта груда мышц медленно стала заваливаться набок. Уже мёртвый, он рухнул рядом с Лацием, подняв в воздух небольшое облако пыли.

Над площадью повисло зловещее молчание. Никто не ожидал такого конца. Все уже предвкушали, что душа убитого чужестранца покинет разрубленное тело и тигры станут рвать его тело на части, а слуги с блеском в глазах будут славить своего раджу, разнося заранее приготовленные угощения...

Синг Бугхараджа медленно поднялся с трона. Потом снова сел. Стоявший перед ним человек со шрамом опирался на палку и смотрел на него печальным, усталым взглядом, как

будто превратился в брахмана. Чужестранец не плачет и не умоляет о пощаде, и для раджи это было невыносимо.

Лаций тем временем вытер свой посох о шёлковые шаровары мёртвого воина и сделал шаг вперёд. Кровь бросилась радже в голову.

– Схватить его! – раздался испуганный визг. – Ведите сюда тигров! – закричал он заматавшимся вокруг трона рабам и стражникам. – Быстрее! Ну что ж, если мясо не идёт в пасть тигру, тигр сам придёт за мясом... – Синг лихорадочно сжимал рукоятку украшенного камнями кинжала, лихорадочно вынимая его из ножен и снова засовывая обратно. Он жаждал крови. Именно сейчас, на глазах у всех.

ГЛАВА XII. ТРУДНЫЙ ПОЕДИНОК

Лаций стоял, опираясь на посох, и ни о чём не думал. На него навалилась странная апатия, как будто он достиг в своей жизни давней и заветной цели и теперь ему уже не к чему было стремиться. Странно, но боль в колене стала глуше. И только попавшая в рот пыль вызывала неприятные ощущения. Он чихнул и сплюнул шершавую слюну на землю. Мир вокруг приобрёл какие-то мягкие, плавные очертания, всё стало круглым, спокойным и тихим, как будто он надыхался той странной травы, которую брахманы бросали перед праздниками в огонь.

Меднокожие люди с чёрными глазами и масляными блестящими волосами что-то кричали на непонятном языке, напомиравшем шум перекачиваемой гальки. Они отчаянно махали руками и пугали его копьями. Но Лаций не шевелился, опираясь на палку и думая о том, что в этот день боги невероятно долго испытывают его на прочность. Ему очень захотелось закрыть глаза и открыть их уже в другом мире. Усталость, страшная усталость навалилась на него в этот момент, и, не в силах сопротивляться ей, Лаций опустил на землю.

Тигров привели довольно быстро. Стражники окружили их большим кольцом, выставив вперёд копья и затолкав внутрь круга. Звери злобно рычали и огрызались на болезненные толчки, поднимая лапы и стараясь зацепить палки когтями. Вскоре они устали и повернулись к сидевшему на земле Лацию. Рядом с ним лежало мёртвое тело Паржавазы. В воздухе пахло кровью, и звери стали скалиться. Один из них, по имени Фархат, подошёл к Лацию и несколько раз дёрнул головой. Редкие длинные усы зверя подрагивали в такт глухому рычанию, но он не показывал клыки и не прижимал уши, как обычно делал перед прыжком.

– Иди, иди, – одними губами сказал ему Лаций. Он, не мигая, смотрел в жёлтые глаза и чувствовал, как ровные удары сердца отдаются мягкими толчками в кончиках пальцев на руках и ногах. Тело как будто перестало существовать, и даже мозг опустел, отпустив на волю все мысли. Два жёлтых глаза замерли перед его лицом, и Лаций растворился в них взглядом, как в огромном море. Если бы в этот момент на него обрушилась большая скала, он бы ничего не почувствовал – для него просто перестали бы существовать эти две маленькие точки, два глаза тигра, и всё...

Фархат понюхал рваные сандалии, дёрнул головой и громко рыкнул. Затем отвернулся и подошёл к телу Паржавазы. Остальные звери тоже стали осторожно приближаться к убитому воину. Старый тигр понюхал рану на спине воина и вцепился зубами в руку. Несколько мощных рывков, и ему удалось оторвать первый кусок мяса. Остальные тоже осмелели и стали дёргать мёртвое тело за ноги и бока.

– Почему они не кидаются на него? – раздражённо выкрикнул раджа. Воины сжали кольцо плотнее, и один даже умудрился ткнуть Фархата в бок. Зверь отпрыгнул в сторону и встал на задние лапы. Придворные, охнув, отшатнулись назад, слуги и рабы закричали, а стражники крепче сжали копья потными ладонями – им не каждый день приходилось видеть такие сцены. Хлопнув хвостом по красивому полосатому боку, Фархат издал грозный рык и развернулся к Лацию. Присев на задние лапы, чтобы сделать прыжок, он замер, мотнул головой и вдруг неожиданно лёг на землю. Его большая голова опустилась на лапы, и все услышали тихое урчание.

Синг Бугхараджа поднял руку, и голоса затихли. Только тигры продолжали стоять над окровавленным телом стражника, неспешно отрывая от него куски мяса.

– Схватите его! – произнёс он хриплым голосом, показывая на Лация. – Пусть палач казнит его на рассвете у городских ворот. Посадите его на кол!

Воины стали медленно приближаться к Лацию, вытянув перед собой копья. Он смотрел на них, держа в руках палку, и не шевелился. Несколько человек положили копья и связали

ему руки и ноги, после чего, осмелев, потащили к стене, где у костра их уже ждали несколько караульных и два помощника палача.

Когда его бросили под стену, Лаций упал лицом рядом с вросшим в землю камнем. В ноздри ударил тяжёлый смрадный запах гниющих отходов и испражнений. Вздрыгнув, он открыл глаза и увидел скорпиона. Ему с трудом удалось отодвинуться назад, чтобы не оказаться у того на пути. Глаза сами закрывались от усталости, но Лаций успел обвести взглядом то место, где ему было уготовано провести последние часы перед смертью.

Вокруг была сырая, плотная земля, из которой прямо вверх поднимались каменные стены. Запах сырости, затхлости и гниющих животных ощущался здесь сильнее, чем возле хижин простых жителей города. Но в его воспалённом воображении этот смрад уже начинало издавать его собственное тело, медленно разлагаясь под лучами палящего солнца. Лаций старался не думать об этом и хотел просто провалиться в темноту, но мысли снова и снова возвращались к смерти. Через какое-то время он впал в полусонное состояние, как хамелеон, и долго лежал, ничего не чувствуя. И только гулкий стук сердца в висках напоминал о том, что он ещё жив.

ГЛАВА XIII. В ОЖИДАНИИ КАЗНИ

Два стражника сели у стены и достали еду. Один отошёл за водой. В это время пришёл начальник городского караула с какой-то весёлой новостью. Они смеялись и жили своей непритворливой жизнью и будут точно так же жить завтра, когда его уже здесь не будет. Они убьют его и будут жить... Эта мысль не исчезала, но не казалась такой невыносимой, как раньше. Она была, скорее, печальной.

Палач выслушал начальника караула и продолжил своё занятие – точить конец толстого дерева. Рядом уже лежал один кол, теперь он готовил второй. Ствол был толстый и неровный. Дерево, видимо, росло в нелёгких условиях и было изогнуто в двух местах. До Лация, наконец, дошло, что кол предназначался ему, и лёгкий дурман отрешённости рассеялся в мгновение ока.

Думать о смерти было легко, но видеть, как она приближается с каждым движением ножа, он не мог. Всё его существо восставало против такой несправедливости. Смерть в бою, пусть даже заранее предрешённая, не говоря уже о смерти во имя победы и славы, была не так страшна, как эта, позорная и мучительная, в одиночестве и забвении. Ведь никто, никто не узнает теперь о его долгом пути на родину, никто не сможет рассказать римлянам, сколько он сделал ради славы родного города и сколько мог бы сделать ещё, оказавшись там! Никто...

Губы тронула слабая улыбка. Он вспомнил слова Тиберия в яме, когда Чень Тан съёл столицу хунну на реке Талас. Тиберий тоже не хотел умирать в неизвестности и винил в этом его. Лаций вдруг подумал о боли, о том, какой ужасной она будет в этот момент. Да, он ненавидел ожидание боли и вынужден был признаться себе, что больше всего ненавидит ждать. Ждать – вот что пугало его, ибо он никак не мог повлиять на время, и даже боги не внимали его молитвам.

Такое же состояние было у него тогда в империи Хань, когда племянник губернатора Бао Ши собирался разбить им головы о стену. Однако тогда он был полон сил и мог бежать, ноги были свободны... Теперь смерть снова подкралась к нему слишком близко, и мысль, что он не может ей сопротивляться, лишала Лация сил и воли: голова кружилась, перед глазами плыли разноцветные круги и мысли превращались в резкие крики птиц.

Всё тело ужасно ныло, как бы напоминая, что дальше боль будет только усиливаться. Да, впереди его ждала не просто смерть, а долгая, мучительная и бесконечно страшная пытка. И готовил её толстый палач с глупой, довольной улыбкой на грязном лице, приближая эту ужасную муку толстыми, широкими пальцами, которые были отчётливо видны на фоне плохо отёсанного кола.

Лаций хорошо помнил рабов, развешанных на столбах на Сицилии. Они по несколько дней стонали и задыхались, не в силах вдохнуть воздух полной грудью. От этих воспоминаний в душе проснулись злые Фурии. Зачем он решил помочь Патье? Почему пожалел его и жену раджи? Стоило ли всё это такого наказания? Стоило ли из-за этого умирать?

В душе начиналась паника. Он уже почти физически ощущал, как грубое дерево безжалостно рвёт его внутренности. Живот немедленно ответил коротким урчанием и неприятными судорогами слабости. Впервые за долгие месяцы он ощущал полное бессилие и ничего не мог придумать. Ничего! Все обращения к Авроре и Юпитеру оказались бессмысленны, ни один из богов так и не послал ему долгожданного сигнала. А без знака свыше спасение никогда не наступало.

Близился вечер. Лаций перевернулся на другой бок. Пальцы онемели, он уже перестал их чувствовать. От нервного напряжения и опустившегося тумана начался озноб. Он не знал, сколько пробыл в таком состоянии. Когда глаза снова открылись, палач по-прежнему сидел у костра и задумчиво продолжал строгать и без того острый кол. Заметив его взгляд, он кивнул и криво усмехнулся.

– Вот, видишь, дерево хорошее тебе нашли, – с удовольствием произнёс он. – Сейчас закончу и будем его обжигать. Вот так... – он явно смаковал предвкушение пытки, тыча острием в огонь. – Не бойся, всё будет хорошо. Я все сучки срезал. Главное, не напрягайся. Знаешь, если напрягаться, будет только хуже. Тебе будет больно, я буду бить тебя по спине. Кол может пойти в бок или в живот. Будет много крови. А это плохо. Так что станешь на коленки и не дёргайся. И тебе хорошо, и мне хорошо, – толстые пальцы коснулись острия, и широкая улыбка подтвердила, что он остался доволен. Лаций, не понимая, слушал его слова и старался не смотреть на обожжённое дерево.

Чуть поодаль доедали свою трапезу помощники палача. Они тоже были не прочь насладиться его муками, и, судя по всему, собирались придвинуться поближе. В это время из темноты появились несколько фигур. Они были похожи на начальника стражи и караульных. Воины стащили с лошади большой мешок и бросили его рядом с костром. Оттуда раздались стоны. Судя по голосу, это была женщина. Разговор с палачом был короткий, после чего воины ушли, а двое сытых караульных оттащили тело в сторону и сели на него сверху. Стоны усилились, а затем стихли. Вспомнились убийство ханьского посла, Чжи Чжи, восседавший на трупе, и князя, сделавшие из ханьских воинов лавки. Лаций дрожал от прохлады и никак не мог остановить озноб.

Палач тем временем засунул в костёр другой кол и стал равномерно вращать острый конец над пламенем. Иногда он вынимал его и тёр о землю, после чего снова засовывал в горящие угли. Наконец, когда он был обожжён, на его широком лице появилась радостная улыбка. Он повернулся к Лацию и стал раздувать щёки и выпячивать глаза, показывая, как всё будет происходить на самом деле.

Лаций стиснул зубы и закрыл глаза. «Минерва, ты лишила меня разума и мудрости, – взмолился он в душе, – пошли мне хоть какое-то облегчение перед смертью! Пусть Диана¹⁰ выбьет мне глаза своими стрелами, если даже Юстиция¹¹ отвернулась от меня в этой далёкой и страшной земле!». В душе теплилась надежда, что боги смилостивятся и пошлют его в царство Орка раньше, чем этот толстый индус проткнёт его кривым деревянным колом.

Однако если раньше от молитв ему становилось легче, то теперь в душе царил пустота и безграничное отчаяние. Лаций прикрыл глаза, так как со стороны костра снова послышались чьи-то голоса. Это был Патья! В протянутой руке тот держал кожаный бурдюк. Палач взял мешок, и молодой грек сразу исчез в темноте. Толстяк подошёл к Лацию, толкнул его ногой и сел рядом.

– Зачем тебе вино? – хмыкнул он. – Ты же мёртвый, а? Только зря будешь пить. Что, тебе легче от этого будет? Пожалел он тебя, да... вино принёс. Но это не поможет, никак не поможет. Легче не будет. Эх, зря всё это... – невнятное бормотанье продолжалось ещё довольно долго, но для Лация это было равносильно шуму ветра или шелесту листьев – он всё равно ничего не понимал. Палач сидел в двух шагах от него и разговаривал с небольшим кожаным бурдюком. Наконец, толстяк замолчал, вытащил пробку и сделал глоток. Затем снова что-то пробормотал, довольно почмокал, заткнул пробку и крикнул стражникам: – Эй, доставайте воровку! Пора приступать! А я пока этому руки перевяжу... чтоб не мешали... надо спереди вязать, чтобы на спине не торчали. Спину гнуть нельзя, – со знанием дела объяснял он, как будто Лаций понимал его и мог оценить эту заботу.

Положив мешок у стены, палач стал развязывать ему руки. Лаций лежал на боку и не видел, что тот делает. Но, судя по тому, что двое стражников в это время стали снимать с женщины мешок и одежду, он догадался, что их час настал. Когда палач развязал ему руки,

¹⁰ Диана – богиня Луны и охоты

¹¹ Юстиция – богиня правосудия

со стороны стражников раздался шум борьбы и озлобленные мужские голоса. Они размахивали руками над телом женщины.

В этот момент возившийся с Лацием толстяк заметил у него амулет и сразу стащил его с шеи. Затем повесил себе на грудь и недовольно посмотрел в темноту. Звуки борьбы усиливались. Палач бросил верёвку Лацию на лицо и, ругаясь, направился к костру. – Что вы с ней возитесь? – он стукнул женщину кулаком по голове, и та сразу обмякла, откинувшись на спину. – Всё, снимай тряпки и вяжи руки! Только крепко! Они такие сильные бывают, что ещё и вырваться могут.

– От меня не вырвется! – усмехнулся один из помощников. – Может, это, сначала того? Молодая ещё! – с удовольствием поцокал он языком, поглядывая на тело воровки.

– Давай только побыстрей! – разрешил палач, подумав, что может пока пойти и выпить ещё вина, которым молодой грек несправедливо решил напоить только одного чужестранца. «Ну и что, что тот любит вино и давно его не пил? Тут, что, всем дают пить вино?» – думал он. – «Нет, никто не заботится, а о каком-то бревне с лысым черепом и шрамом поперёк лица, видите ли, все думают!»

Обрюзгший исполнитель приговоров сел на землю и облокотился спиной на стену. Рука привычно выдернула пробку из мешка, и в горло хлынула струя терпкого напитка. – У-ух! – вырвался радостный вздох, и толстяк с удовольствием вытер рукавом губы. Не раздумывая, он приложился ещё раз. По желудку разлилась волна горячего тепла, и в ногах появилась приятная вялость. – Хо-ро-шо... – протянул он, покачивая головой из стороны в сторону и смакуя приятный вкус.

Третий глоток был самым долгим, и внутрь необъятного живота влилось не меньше трети мешка. Сопроводив всё это громкой отрыжкой, он несильно заткнул пробку, чтобы чуть позже допить всё до конца, и стал наблюдать за похотливыми стараниями одного из стражников. Тот настойчиво пытался получить удовольствие от неподвижно лежавшей женщины.

Неожиданно оба тела уплыли куда-то в сторону, в голове всё перевернулось, и свет костра почему-то потускнел. «Крепкое вино», – подумал толстяк, усердно моргая глазами, чтобы прийти в себя. Женщина-воровка вдруг пришла в себя и, сбросив с себя стражника, подошла к нему. Её лицо всё было в крови, вместо глаз виднелись две чёрных дыры, а под сломанным носом зияла пропасть беззубого рта с вырванным языком... Палач отшатнулся и, не удержавшись, упал назад. Мысли смешались и завязались в голове плотным узлом. Он пытался встать, но безуспешно. В груди что-то начало ныть, разрывая её изнутри на части. Задышавшись, он схватился за рёбра короткими толстыми пальцами и захрипел.

Дышать становилось всё трудней, как будто гигантский удав из непролазных джунглей Махальпы сжимал ему грудь своей смертельной хваткой. Из рта вырвался тихий стон, и по губам вперемежку с пеной потекла слюна. Внутри уже всё клокотало, вырываясь через горло мокрым кашлем. И каждый раз на грязную одежду падали большие хлопья пены. Он уронил голову на грудь, и в этот момент силы окончательно покинули его. Протянутая в предсмертном рывке рука медленно опустилась на землю рядом с мешком и задрожала мелкой дрожью.

Лаций пришёл в себя от горячей боли в кистях. Руки горели и чесались до самых плеч, как будто их окунули в чашу с углями перед жертвоприношением. Рядом лежало чьё-то тело. Присмотревшись, он понял, что это – палач. От костра отделились две тени и подошли к стене.

– Ну что, пора? – спросил один стражник, но ответа не получил. – Мы, это, того... всё с ней. Ты не будешь?.. Чем это пахнет? – вдруг удивился он, почувствовав в воздухе знакомый запах.

– Похоже, вином, – ответил второй. – Смотри, у него тут мешок! Вот откуда пахнет! Он тут пил без нас!.. И смотрел, как мы с ней там...

– Да. Много выпил. Почти половину, – подняв бурдюк в руке, с сожалением заметил первый. – Теперь спит. Ему уже больше не надо. Давай, допьём, что ли? – он понюхал горлышко. – О-о, как хорошо! – в темноте раздались булькающие звуки. Второй, взяв у него мешок, опрокинул его вверх и допил всё до конца.

– Не, какое-то не такое, – фыркнув, передёрнулся он. – Горькое... Фу!

– Да ты что! Какое горькое? В самый раз!

– Ладно, пошли, ещё ту надо... закончить. А с этим пусть потом сам возится, когда проснётся. Скажем, мы свою работу сделали.

Стражники бросили пустой мешок на землю и вернулись к костру. Там они с трудом согнули бесчувственное тело воровки пополам и стали насаживать на кол. Дело продвигалось с трудом, и когда, наконец, половина палки уже вошла в тело несчастной жертвы, они так обессилели, что решили отдохнуть у костра и вкопать кол в землю чуть позже.

Костёр уже почти потух, на чёрном небе ярко сияли огромные звёзды. Лаций смотрел на них, продолжая медленно растирать кисти. До рассвета ещё было далеко. Луна слабо освещала землю, но её света было достаточно, чтобы осмотреться. В ямах на земле белели шапки тумана. Вдоль стены тоже тянулась неровная светлая линия. Ото всюду тянуло сыростью и холодом. Всё лицо было мокрым. Рубашка – тоже. По спине пробежали мурашки. И тут ему действительно стало страшно, как будто жизнь проснулась в уставшем теле и кричала, требуя спасения.

Лаций осторожно оглянулся. Похоже, все уснули. Руки ещё болели, но уже слушались. Он медленно потянулся к верёвке на ногах, но сначала ничего не получалось. Не хватало сил. Пальцы не сжимались. Пришлось растирать руки до плеч. Вскоре кожа стала гореть и покалывать. Постепенно силы вернулись и, наконец, удалось развязать и ноги. До костра и спящих охранников было шагов пятнадцать. Чуть дальше блики выхватывали из темноты скрюченное тело женщины. Но, судя по всему, она была уже мертва.

Медленно и осторожно, кривясь от ноющей боли, Лаций приблизился к воинам. Их лица выглядели как-то странно. Нагнувшись, он увидел, что они были покрыты пеной. Внезапная догадка заставила его резко выпрямиться. Он толкнул одного из них ногой. Тот не пошевелился. Тогда он толкнул второго – то же самое. Вернувшись к стене и перевернув палача, Лаций окончательно убедился, что всех троих постигла одна и та же участь. Это был знак богов. И он чувствовал, что они толкали его куда-то вперёд.

Надо было бежать. Но куда? Сняв свой амулет с шеи палача и забрав у одного из стражников нож, он направился в сторону ворот. В голове стучала одна мысль: «Найти лошадь!» Но здесь это было невозможно. Оставалось только попробовать пробраться мимо караульных. Под утро они обычно засыпали, сидя прямо у ворот... «О, Юпитер, ты мудрый и сильный! Благодарю тебя за помощь», – произнёс он про себя. На небе промелькнула падающая звезда, и Лаций приободрился, приняв это за знак согласия, посылаемый ему свыше. «Я принесу тебе самые роскошные дары, как только выберусь отсюда», – пообещал он.

Пробраться вдоль стены к главным воротам оказалось несложно. Ночью все спали, поэтому вокруг никого не было. Под ногами то и дело похрустывали камни и насекомые, но он только морщился и продолжал двигаться вперёд, чувствуя, что сильно устал. Вот уже показались бочки с водой и врытые в землю столбы для лошадей. Дальше были ворота.

Лаций остановился, глядя вперёд. Он даже протёр глаза, чтобы убедиться, что ему это не кажется. В двадцати шагах виднелась большая повозка, запряжённая лошадьми. Она стояла прямо перед воротами. Это была удача! Большая удача. Судя по всему, какой-то купец собирался покинуть город до рассвета. Но как до неё добраться? И как попасть внутрь? Стражники не спят, у них есть факелы, они осмотрят мешки и найдут его... Нет, это было безумием! Лаций сел на камень и провёл ладонью по лбу. В этот момент на плечо опустилась чья-то сильная рука, и, вздрогнув от неожиданности, он резко обернулся.

ГЛАВА XIV. СПАСИТЕЛЬНОЕ БЕГСТВО ИЗ СТОЛИЦЫ РАДЖИ

– Тише! – произнёс человек в длинной одежде. В нём с трудом можно было распознать молодого жреца.

– Апам? – осторожно спросил он. – Что ты тут делаешь?

– Молюсь богам и смотрю по сторонам, – уклончиво ответил тот. – Твои боги берегут тебя. Ты ещё жив.

– Что тебе надо? – Лаций по-прежнему не понимал, как тот оказался в этом месте и что от него хочет.

– Ничего. Я случайно увидел тебя. Тебе нужна помощь. Я хочу тебе помочь.

– Ты? Как?.. – время шло, и повозка могла проехать ворота в любой момент. Надо было спешить. Лаций решил довериться жрецу. – Мне надо выбраться за ворота...

– Да, я знаю... за ворота. Я помогу. Пройдём вместе. Когда выйдем, залезь в повозку. Доедешь до реки. Там спрячься в жертвенную лодку и жди утра. Лодок много. Завтра утром их отправят по реке. Ты сможешь уплыть. Только ничего не трогай.

– Это правда? – Лаций всё ещё не верил жрецу и с подозрением смотрел на него, стараясь уловить малейший намёк на ложь или предательство.

– Правда, – коротко ответил тот.

Апам снял верхнюю накидку и протянул ему. Сам он остался в длинной набедренной повязке.

– Тебе не холодно? – спросил Лаций. Длинная рубашка была ему явно мала. Оставалось надеяться, что в темноте никто не обратит на это внимания.

– Нет, я привык, – тихо ответил жрец. Он достал откуда-то маленький мешочек с маслом и смазал голову. Затем посыпал себя пылью и передал масло Лацию. Тот сделал то же самое. Потом достал из высокой сандалии маленький камень и протянул его Апаму.

– Возьми! Мне он ни к чему. А ты сможешь поменять на монеты и купить лошадей или слонов для своего храма, – улыбнулся он.

– Нам не надо покупать слонов и лошадей. Боги сами приводят их к нам, – ответил жрец. – Но я возьму его как память о тебе. Благодарю тебя!

К повозке они подошли, когда стражники уже поднимали решётку и лошади делали первые шаги. Караульные находились с другой стороны повозки, и им не было видно, кто находится здесь. Лаций сразу шагнул к борту, стараясь ссутулиться и опустить голову, чтобы выглядеть ниже. Он надеялся, что тогда его не заметят из-за нагруженной до верха поклажи. Его замысел удался.

– Жрец? Ты куда? – недовольно буркнул один из караульных, увидев Апама. Тот подошёл к задней части повозки и положил руку на один из мешков.

– Проводить дары богам, – тихо произнёс он. – Мы совершаем обряд, – он склонил голову на грудь, и стражник, увидев посыпанное пеплом лицо, что-то пробубнил и отошёл к стене. На лавке сидели трое сонных товарищей, которые ждали, пока лошади проедут ворота, чтобы опустить решётку и лечь спать дальше. Отойдя шагов на десять, Лаций вздохнул и выпрямился. Но решётку почему-то не опускали. Он замер и уставился в темноту. Оттуда послышались быстрые шаги.

– Стой, стой! – это был голос Патьи. Невероятно! Как он мог здесь оказаться? В голове у Лация промелькнули тысячи мыслей о погоне и предательстве, но он попытался взять себя в руки и решил пока ничего не делать.

Патъя бежал за повозкой. Надо было избежать встречи с ним. Сначала Лаций хотел забраться внутрь, однако времени уже не было. Ему пришлось присесть и спрятаться снизу. Там были всего две оси и одна доска над головой. За неё можно было схватиться руками. Выхода не было, надо было спастись хотя бы так. Рядом слышались тихие шаги. – Возьми вот это и положи в левую лодку. Ты слышишь? – молодой грек обращался к вознице, который, судя по всему, тоже был в полусонном состоянии. – Не перепутай, понял? В левую, – он что-то положил в повозку и отошёл назад. – Апам? Что ты тут делаешь? – в голосе Патъя послышалось удивление.

– Молюсь Шиве. Здесь тихо, – кротко ответил тот. – Завтра – великий день. Мы провожаем умерших.

– Да, ты прав, – согласился молодой грек. – Ну давай, пошёл, пошёл! – крикнул он вознице, и повозка, раскачиваясь из стороны в сторону, заскрипела по каменистой дороге.

Лацию ничего не оставалось, как зацепиться руками за палку на дне. Спина лежала на передней оси, и он прекрасно понимал, что долго так не продержится. Руки ныли и постоянно срывались. Надо было соскользнуть на землю и уйти к реке или забрать лошадь у возницы. Однако здравый смысл подсказывал, что лучше держаться за телегу как можно дольше. Ночью найти дорогу было невозможно. Пришлось терпеть, стиснув зубы, хотя ноющие кисти рук говорили о том, что ему не продержаться и ста шагов. Боги уже не раз помогали в этот день, но новые руки дать они не могли.

Повозка скрипела и, казалось, ехала на край света. Лаций терпел, сколько мог, кусая губы и толкаясь ногами в землю, перехватывая руки, упираясь в косую палку сбоку, но силы были на исходе. В тот момент, когда пальцы уже готовы были разжаться навсегда, лошади вдруг остановились и возница спустился на землю. Лаций медленно выполз из-под повозки и какое-то время сидел, облокотившись на колесо.

Дорога в этом месте была мокрая, и лошадям тяжело было тащить по ней такой груз. Наверное, их хозяин пошёл посмотреть, как объехать видневшуюся вдали большую лужу. Привстав, Лаций опёрся сзади на край повозки, и в это время слышались шаги возвращавшегося возницы. Руки сами потянулись к крайнему мешку. Пока повозка скрипела и чавкала в грязи старыми колёсами, ему удалось стащить ещё три мешка. Теперь можно было лечь с краю и прикрыться сверху какой-нибудь другой поклажей. Самое трудное оказалось забраться на задний борт. Когда это удалось, Лаций постарался свернуться калачиком и осторожно натянул на себя несколько ближайших тюков. Под мерное качание и равномерный скрип колёс он вскоре забылся тяжёлым сном, хотя старался сопротивляться до последнего.

Разбудила его тишина. С одной стороны в плечо давил жёсткий борт повозки, а с другой приятно грели мягкие мешки. Он лежал всё на том же месте и ничего не слышал. И сначала не мог даже пошевелиться. Всё тело ныло, как будто по нему несколько раз прокатился огромный каменный шар, переломав кости, как пёрышко. Губы рассохлись и потрескались. Облизать их не получалось, потому что язык одеревенел, высох и тоже не шевелился.

После долгих мучительных усилий ему удалось выбраться из-под тюков и вдохнуть воздух полной грудью. Вверху, в лёгкой утренней дымке виднелось полупрозрачное небо. Выбраться из тёплой повозки не хотелось. В воздухе пахло тухлой рыбой и мокрой травой. Лаций лежал и прислушивался к окружающим звукам. В конце концов он собрался с силами и выглянул из-за края.

Открывшаяся картина одновременно испугала его и порадовала: повозка стояла у изгиба широкой реки. Дорога к воде была выложена брёвнами. Значит, этим местом пользовались часто. У берега виднелся узкий длинный мостик. Судя по всему, хозяин мешков собирался плыть с товаром по реке или, по крайней мере, переправиться на ту сторону. Значит, Апам не обманул. Пора было уходить. Но рядом были лошади. Они могли испугаться. Надо было делать всё очень медленно.

Он осторожно перевалился через край и затаил дыхание. Животные молчали. Это был хороший знак. Лаций медленно высунул голову из-за угла повозки и от удивления сначала замер, а потом с облегчением вздохнул – лошадей не было. Кожаные ремни и верёвки свисали с повозки до самой земли, но самих лошадей куда-то увели. Чуть дальше виднелись остатки костра. Рядом с ним спали люди. Прячась от утренней прохлады, они с головой завернулись в старые тряпки и накидки. Подождав ещё немного, он выпрямился во весь рост.

От костра шёл слабый запах еды. Ноги сами потянули его туда. Три сторожа спали с завидным спокойствием. Судя по торчащим босым ногам, это были слуги. Лаций обвёл взглядом костёр и заметил несколько кусков рыбы, завернутых в большие зелёные листья. Присев, он попытался взять один из них руками. Это оказалось нелегко. Пальцы не слушались. Тогда он проткнул лист обломком ветки и, приподняв её скрюченными пальцами, медленно отошёл в сторону. У реки росла высокая трава, и там можно было спокойно спрятаться.

Проглотив слюну, Лаций жадно впился зубами в бок рыбы и закрыл глаза. Удовольствие заставило его на время забыть даже о боли. Есть, есть и жевать... Жевать и медленно глотать – какое это было наслаждение! Он блаженствовал. «О боги, как же эти варвары всё-таки умеют готовить рыбу!» – подумал он. Их травы придавали любой еде особенный вкус, и он вспомнил, как во дворце раджи задолго до начала трапезы по двору всегда расплзался слабый запах дыма, перемешанный со сладким ароматом готовящегося в травах мяса. В эти моменты в животе всегда непроизвольно возникало острое чувство голода, а рот обильно заполнялся слюной.

Последний кусок рыбы исчез во рту, и только теперь Лаций обратил внимание, что ему ужасно мешает узкая рубашка жреца. Вскоре она полетела в кусты. Он поднялся и вышел к мостику. В одних штанах было прохладно. Лаций зябко поёжился и устало направился к лодкам. Первая оказалась довольно широкой. В ней могли переправиться человек пять или даже десять. Прямо к её борту была жёстко прикреплена вторая лодка – такая же широкая и большая. Они доверху были заполнены венками и какими-то мешками. На вид небольшими, но довольно тяжёлыми. Сверху мешки были прикрыты вязанками с хворостом. Лаций поспешил к другой паре лодок. Но и в них было то же самое.

С берега донеслись голоса и стук копыт. Надо было срочно прятаться. Оставалось только перешагнуть через борт ближайшей лодки и спрятаться на носу под большой кучей верёвок и веток. Затаив дыхание, он прислушался. Теперь уже хорошо было слышно, что к берегу подъехали всадники. Около пяти человек. До него доносились их приглушённые голоса, и было ясно, что рано или поздно они подойдут к лодкам. Когда со стороны берега раздался тихий скрип досок и послышались шаркающие шаги, Лаций набрал в грудь воздух и закрыл глаза, моля Нокса спрятать его в лёгком тумане наступающего утра.

ГЛАВА XV. НЕ КОПАЙ ДРУГОМУ ЯМУ, САМ В НЕЁ ПОПАДЕШЬ

Первый мешок упал прямо на грудь, второй – на живот, третий – на голову... Сухой хвост, под которым прятался Лаций, трещал и ломался под тяжестью странного груза. Мелкие ветки и сучки впивались в тело и шею, но он не шевелился. Наконец, до него дошло – в лодки грузили трупы! Лаций вспомнил слова жреца о дне проводов мёртвых. Ему оставалось только благодарить богов за то, что его не обнаружили.

На дне было много застоявшейся тухлой воды, в которую его тело буквально вдавило тяжестью мешков. Все штаны намокли, вода доходила до груди, и только лицо ещё было над поверхностью этой зловонной жижи, в которой плавали щепки, трава, цветы, дохлые насекомые и куски верёвок. Скользкие доски настила, под который он попытался осторожно засунуть ноги и часть туловища, теперь уже касались лица, прилипая иногда к щекам, дрожа и чавкая под весом качавшихся на корме мешков.

Когда через одну из щелей пробился солнечный луч, всё затихло. С берега какое-то время доносились голоса, но потом и они исчезли. Вскоре послышался скрип колёс подъезжавших повозок, и в воздухе раздался звонкий, гулкий удар. Потом другой. Невероятно громко заныли длинные трубы из рогов горных баранов, которые обычно оповещали горожан о появлении раджи, и, услышав их, Лаций понял, что сюда зачем-то едет сам Синг Бугхараджа. Трубы ещё долго тянули свою заунывную песню, пока им на смену не пришли стоны и плач женщин.

Всё это сопровождалось короткими, отрывистыми выкриками мужчин, скорей всего, стражников. Потом голоса переместились к лодкам, те снова закачались, и стало слышно, как внутри ходят люди. Кто-то невдалеке затянул монотонную песню, плач сменился завываниями, которые вдруг стали резко обрываться одно за одним. Где-то очень далеко, наверное, на берегу, послышался голос раджи. С мостика снова зазвучал монотонный голос, и всё это закончилось резким толчком. Лодка поплыла, и за бортом послышался тихий плеск воды. Однако тишина наверху настораживала. Не было слышно ни стука вёсел в уключинах, ни криков надсмотрщиков. Если они отправляли трупы умерших по реке просто так, без присмотра, то это было невероятной удачей...

Неожиданно сверху раздался дробный стук, как будто кто-то стучал по борту палкой. Лаций подумал, что это были жрецы. Скорей всего, они исполняли какой-то обряд. В подтверждение этой догадки внутри лодки стал распространяться едкий дым. Значит, брахманы стали жечь свою ритуальную траву. Дым становился всё горче, и горло стали схватывать спазмы. Он не выдержал и закашлялся. Сверху послышались невнятные звуки, похожие на мычание. «Коровы? В лодке?» – Лаций не мог поверить своим ушам. Мычание становилось всё настойчивее и было очень глухим. Коровы так не мычали.

Дым к этому моменту уже стал таким едким, что оставаться под настилом было невозможно. Закашлявшись в очередной раз, он поспешил протиснуться между тяжёлыми мешками и выбрался наружу. Однако перед глазами открылась совсем не та картина, которую он ожидал увидеть. Дым заполнил всю лодку и выливался за борт, как вода. Причиной были стрелы с горящими пучками травы. Они торчали повсюду, – в досках и мешках, – и именно горящие мешки вызывали такой ужасный смрадный запах.

Лаций стал заливать их водой, переходя от борта к борту, пока не наткнулся в середине лодки, возле поперечной балки, на двух связанных людей. Они были привязаны к доске. Их лица были наполовину закрыты лентами ткани, которые обычно использовались для тюрбанов. Невероятно, но в одном из них Лаций сразу узнал Патью. Грек мычал и мотал головой, хотя

делал это уже не так громко, как раньше. Видимо, дым сделал своё дело, и он тоже задыхался, как и второй несчастный, привязанный сзади.

– Что ж это такое? – пробормотал Лаций, и быстро сорвал повязку с лица грека.

– Антазира... – прохрипел тот и сильно закашлялся. Только теперь Лаций увидел, что спиной к нему сидела женщина. Это была жена раджи. Всё это было настолько странным и ошеломляющим, что он на мгновение опешил. Но Патъя в отчаянии закричал и вывел его из этого состояния: – Помоги мне! Её надо развязать! – его слова прозвучали слишком громко, а, значит, это был не сон. Пока молодой грек, торопясь, развязывал жену раджи, Лаций продолжил сбрасывать в воду дымящиеся мешки. Тела были почему-то очень тяжёлыми.

– Что там внутри?! Почему они такие тяжёлые?! – крикнул он, обращаясь к Патье.

– Мёртвые, – хрипло ответил тот, откашливаясь и тяжело дыша. – Там по два человека... – оттащив Антазире на корму лодки, он стал помогать ему тушить огонь. Лаций схватился за бамбуковые палки, соединявшие их с другой лодкой, но грек замахал руками и остановил его. – Не надо! Не надо! Там... Там... Не надо. Я сам... – он вёл себя очень странно, потому что во второй лодке мешки уже горели так сильно, что надо было торопиться. Чтобы сбросить их в реку, надо было сначала залить пламя водой. К тому же, там лежали несколько мужчин и женщин. Это были служанки Антазиры и евнухи. Им всем перерезали горло. Ничего не спрашивая, Лаций стал помогать Патье спускать тела в воду, и, когда всё было закончено, они без сил рухнули на дно. Здесь, как и в первой лодке, лежали десятка два мешков размером в полчеловека.

– Что это? – Лаций пнул ногой ближайший тюк, но тот даже не пошевелился. По ощущениям, он был набит мелкой галькой или песком.

– Золото... – не глядя ему в глаза, ответил Патъя. Какое-то время оба молчали.

– Золото? – переспросил Лаций и неожиданно рассмеялся. Но в этот момент сзади раздалось несколько ударов в борт и, обернувшись, они увидели, что это снова были горящие стрелы. Обломав их, Лаций посмотрел на берег. Там, видимо, заметили, что дым в лодках потух, и спустились чуть ниже по течению. Здесь река делала поворот, и до лодок можно было достать из лука. Однако вскоре расстояние для стрел стало слишком большим, и узкий выступ на берегу вместе с кричащими от злости лучниками остался позади.

– Через неделю, после праздника, они пустятся в погоню... – пробормотал Патъя.

– За неделю мы уже будем далеко. Или я буду, – недобро скривившись, хмыкнул Лаций. – Скажи, зачем ты хотел меня отравить? Зачем вообще сказал, что я хочу убить раджу? Что случилось? Ты, что, сошёл с ума? – его прорвало, и вопросы сыпались один за другим. – Чего тебе не хватало? Я, что, тебя предал? Перешёл дорогу? Нет?! Тогда что? – кричал он. Лодки медленно плыли по ровной глади широкой реки, и теперь у них было достаточно времени, чтобы поговорить.

– Я принёс вино, чтобы ты не мучился, – не поднимая глаз, ответил Патъя, и Лаций с пониманием кивнул.

– Хорошо, но предал почему? Я же тебя с победой послал вперёд. Где договор? Почему у тебя ничего нет? Зачем ты сделал меня врагом?

– Это не я, – с трудом выдавил из себя грек. – Это старший жрец. Он всё узнал...

– Что узнал? Ты можешь говорить нормально?

– Да... – собравшись с духом, Патъя рассказал, что он был наполовину грек. Его мать была гречанка, а отец – важным вельможей при дворе раджи. Давно, ещё несколько поколений назад, его предки правили этими землями, но потом к власти пришёл род Бугхараджи. У них были родственники во всех городах этой земли. Отец Патьи умер в шестьдесят лет, совсем старым. И он очень хотел, чтобы сын подумал о том, как вернуть себе трон раджи. Старик не верил, что тот вечно будет слугой Бугхараджи. И Патъя придумал, как это сделать. Любовь к Антазире

помогла ему. План, как всегда, оказался прост – избавиться от двух братьев Буххараджей их собственными руками.

И это уже почти удалось, однако Антазира помогла больному мужу встретиться с предками, подсыпав в питьё яд. Благодаря этому спасся не только брат раджи, но и Лаций. Однако новый раджа, видимо, подозревал, что его старшему брату подсыпали яд, и не доверял никому. Отравить его было невозможно, он не ел и не пил без того, чтобы раб не попробовал еду первым. Чтобы избавиться от него, Антазира от имени неизвестного благожелателя написала падишаху Васудеве послание, в котором сообщила, что раджа Буххараджа собирается на него напасть. Зная вспыльчивый характер своего второго мужа, она надеялась, что тот погибнет в сражении. Но Синг выжил и отправил умирать вместо себя Патью. Это было большим ударом по их планам, и юный грек не знал, что делать. Когда Лаций сумел победить Васудеву и отправил его к радже, у Патьи снова возникла надежда.

Вернувшись ночью в город, он, позабыв об осторожности, решил побыстрее встретиться с Антазирой. Он нашёл её в храме, за стенами города, где она молила богов о его спасении. Там он сразу сообщил ей радостную новость о победе. Но Антазира не обрадовалась. Она сказала, что раджа убьёт и его, и Лация. Она была уверена, что Синг не простит им победы и убьёт всех, кто будет об этом говорить. Они поспешили выйти из храма, чтобы обсудить, что делать, но их короткий разговор подслушал старший жрец.

Во дворце Антазира рассказала своему юному любовнику, что раджа собрался покинуть город и собрал всё золото во дворце, на женской половине, чтобы никто об этом не догадался. Оно хранилось под большими коврами в её комнатах. Хитрая женщина предложила взять его и уплыть, чтобы в другом городе нанять войско и победить раджу. Так Патье было легче вернуть себе власть, чем раньше.

Он согласился, и Антазира приказала слугам начать выносить мешки из её комнат к конюшне. Патья тем временем дождался утра и поспешил к радже, чтобы рассказать о победе над Васудевой. Но тут его ждало разочарование. Вместо раджи его встретил старший жрец, который сказал, что всё знает. И о любви между ними, и о побеге. Патья чуть не умер от страха и горя. Но старый брахман сам предложил спасение: он очень хотел убрать от раджи странного чужеземца и получить в руки договор с Васудевой. За это жрец обещал помочь им бежать во время праздника усопших. Главному брахману это тоже было выгодно. Всё оказалось просто – его племянница после бегства Антазиры могла бы стать женой раджи, и этого очень хотели её родственники. У Патьи не было выхода. Он отдал договор и выслушал, что надо сказать радже днём, когда тот вернётся с реки. Так он предал Лация.

– Да, ничего странного, – пожал плечами Лаций. – Деньги и власть. Всё понятно. Но что случилось с тобой ночью? Как вас схватили?

– Я – дурак! – на лице молодого грека появилась гримаса досады и обиды. – Старый жрец всё рассказал радже. Тот хотел сначала убить нас на месте. Но потом передумал. Сказал, раз хотели бежать, то пусть так и будет.

– Хотел, чтобы вы сгорели тут вместе с ними? – он кивнул в сторону оставшихся мешков с трупами.

– Да, – кивнул Патья. – Но жрец не знал, что всё золото перевезли сюда. Здесь четыре лодки. Золото, посуда и драгоценные камни – всё здесь. Теперь ты знаешь правду. Ты убьёшь меня? – с трудом проглотив комок в горле, спросил он.

– Убить? Не знаю. Зачем? – Лаций молча наблюдал за Антазирой, которая опёрлась о борт и, опустив руку вниз, неподвижным взглядом смотрела на лёгкие завихрения воды. Он не стал рассказывать юному греку о странной помощи молодого жреца Апама. В душе Лацию хотелось побыстрее избавиться от своих спутников, но один он вряд ли смог бы найти дорогу к морю.

– Ты знаешь, куда плыть? – спросил он Патью, прищурившись от яркого солнца.

– Да... Ты не убьёшь нас?

– Нет, не убью. Говори!

– В город нам сейчас нельзя. Синг знает, что мы живы. Лучше остановиться в другом месте. На том берегу есть большая деревня. Я знаю их вождя. Можно переждать там. Потом поплывём в Камбей. А оттуда – в Деметрию. Там у меня есть знакомые купцы. Они помнят моего отца и помогут.

– Ну что ж... Тогда поплыли в твою деревню, – вздохнул Лаций, чувствуя, что невероятно устал и хочет спать. – Там посмотрим, что делать, – он перешёл на другую лодку и отпустил верёвку, оставив их вдвоём. После этого он вытянулся на мокром настиле, а Патья, поняв, что Лаций не будет ему мстить, поспешил к Антазире.

Несколько дней они гребли, помогая себе выломанными из настила досками. Жаркая погода заставляла Лация купаться за бортом по несколько раз в день, в то время как его спутники терпели до ночи и только с наступлением темноты позволяли себе быстро окунуться в воду. Еды почти не было, поэтому рыба, которую удавалось поймать сеткой, сразу жарилась на берегу и съедалась в считанные мгновения.

Деревня располагалась в устье одного из притоков большой реки, прячась в изобилии зелени и густых лесах. Там их встретили несколько старейшин племени, с которыми Патья, судя по их благосклонному отношению и улыбкам, был хорошо знаком. Однако Антазира заболела, и они не могли сразу отправиться к морю. Тогда Лаций сказал, что пойдёт один. Старейшины с пониманием кивали головами, когда Патья переводил им слова Лация, и через день выделили десять охотников, чтобы сопроводить его в сторону большого города Камбей.

Несмотря на осторожные просьбы молодого грека, он категорически не хотел оставаться в этой деревне. Лаций был уверен, что раджа вскоре разгадает их замысел, и спастись можно будет только бегством. Но лучше было это сделать сейчас, не слыша позади свист стрел. К тому же, оставляя здесь молодого грека с его любовницей, он надеялся, что раджа ограничится только ими и не станет искать его.

Прощание было скупым и неискренним. Патья опустил глаза и пожелал ему удачи. Лаций ничего не ответил и, пожав плечами, поднял вверх палку. Сделав знак охотникам, он покинул деревню. Антазира так и не появилась, старейшины тоже стояли с каменными лицами, и только в глазах у них было заметно скрытое любопытство. В первый день проводники поднялись на невысокую гору, разделённую узким ущельем. Внизу текла небольшая река. Навесной мост был сделан из толстых сухих растений и не внушал доверия. При каждом порыве ветра он угрожающе раскачивался из стороны в сторону. Но при переходе ничего не случилось. Четыре дня они шли звериными тропами, пока неожиданно не столкнулись с поджидавшими их у костра соплеменниками. Между мужчинами завязался оживлённый разговор: они размахивали руками, кричали, делали страшные лица и показывали на Лация. К его огромному удивлению, один из охотников подошёл и сказал на греческом языке несколько слов:

– Там – раджа! Там – люди! Плохие люди. Люди взять твой друг. Люди искать тебя. Раджа плыть сюда. Они убить тебя. Если тебя нет, убить всех нас и детей. Ты и я идти назад.

На все вопросы Лация этот человек повторял одни и те же слова, и ничего нового от него добиться было невозможно. Им пришлось возвращаться назад той же дорогой. Вскоре показался подъём к последней горе, на вершине которой находился верёвочный мост через ущелье. Подниматься днём было опасно. Раджа был хоть и горячим, но далеко не глупым человеком. Его воины могли ждать их в засаде. По крайней мере Лаций на его месте точно бы так и сделал, поэтому подниматься надо было до рассвета, когда все спали.

Нарисовав на земле солнце и показав руками, как оно встаёт, он попытался жестами объяснить охотникам, что надо идти рано утром. К его удивлению, они поняли. Костры не разжигали. В эту ночь все долго не могли уснуть. Проводники вздыхали рядом, перешёптываясь на своём языке. Где-то в середине ночи в воздухе появился еле заметный запах дыма. Лаций

привстал и увидел, что воины из деревни тоже его почувствовали. Это был дым чужого костра. Значит, он был прав – где-то рядом была засада.

ГЛАВА XVI. БЕГЛЕЦЫ И ПРЕСЛЕДОВАТЕЛИ МЕНЯЮТСЯ МЕСТАМИ

До рассвета так никто и не заснул. Когда небо стало светлеть, охотники встали и, приподняв копья, осторожно направились вверх по склону. У выхода из чащи они остановились. Площадка перед лестницей увеличилась в размерах. Кто-то срубил кусты и расчистил её по периметру. «Хорошо видно для лучников, как на ладони», – подумал Лаций и в этот момент один из охотников показал ему на большие листья шагах в десяти справа.

Солнце ещё не встало, и нижняя часть деревьев и растений была скрыта тенью уходящего сумрака. Поэтому Лаций не сразу смог различить лежавших под ними людей. Там спали лучники раджи, которые должны были ждать их в засаде. В который раз он уже сталкивался с беспечностью варваров! Увидев улыбку на его лице, охотник тоже улыбнулся и кивнул в сторону лестницы.

Десять человек успели перейти на ту сторону, один был посередине и четверо ждали с той стороны, когда один из спящих лучников вдруг проснулся и увидел, что происходит. Он закричал, и на площадку сразу же высыпали всполошившиеся воины раджи. Они успели схватить трёх несчастных охотников и ринулись по мостику вдогонку за остальными. Лаций схватил копьё и упёрся им в одну из ступенек. Те, кто был рядом, поняли его и сделали то же самое. Вместе они начали раскачивать мост, и через некоторое время их преследователи вынуждены были остановиться. Они схватились за тонкие лианы, чтобы удержаться на ногах. Это было большой ошибкой – старые лианы лопнули, и они сразу же полетели вниз. Лишь один стоял на четвереньках и качался, вцепившись пальцами в доски. Охотники прекратили раскачивать мост, дав перепуганному стражнику вернуться назад. Его товарищи на противоположной стороне что-то кричали и угрожающе поднимали вверх копья.

– Лаций! – неожиданно донёсся с той стороны голос Патьи. Он стоял у самого края со связанными руками и смотрел в их сторону. Позади него виднелась фигура раджи. – Лаций! – снова позвал он. – Раджа Синг Бугхараджа говорит, что отпустит тебя... Он не тронет жителей деревни... если ты отдашь ему золото, – унылым голосом произнёс грек.

– Какое золото? Ты что? Оно же осталось у тебя! – с недоумением спросил Лаций.

– Как у меня?! У тебя нет золота?! – в голосе Патьи прозвучало искреннее удивление. Он был явно растерян и напуган. – Не может быть... Разве ты не забрал?.. Тогда где оно?

– Не знаю. Мне не нужно твоё золото. Зачем ты привёл их сюда? – спросил он опешившего грека. Судя по всему, Патье угрожала смерть, а он почему-то беспокоился о золоте, а не о своей жизни. – А где Антазира?

– Он убил её, – прозвучал еле слышный ответ. – Лаций, скажи, ты не брал золото? Он убьёт меня, если не найдёт.

– Скажи, что принесёшь, если отпустит. Отпустит сюда. Скажи, что оно недалеко... Будешь носить ему через мост. Может, поверит? – больше ничего не приходило в голову, и теперь оставалось ждать, что решит раджа. Тот выслушал Патью и действительно отпустил его. Но когда грек добрался до середины ужасного моста, за спиной раджи показался старший брахман. Он стал что-то говорить Сингу Бугхарадже, и тот отчаянно закричал, тыча рукой в сторону несчастного грека.

Воины сразу кинулись вперёд и упёрлись копьями в ступени, видимо, собираясь раскачать мост и сбросить Патью вниз. Лаций сразу понял это и быстро выхватил у второго охотника копьё. До противоположной стороны было шагов двадцать.

– Посмотрим, что получится, – сказал он сам себе и, разбежавшись, с силой кинул его в стражников. Те не успели заметить бросок, и копьё попало одному из них прямо в живот.

Второе Лаций держал наготове. Испугавшись, воины раджи отбежали от края пропасти. Патъя в это время стоял на четвереньках и боялся пошевелиться. – Давай быстрее ползи сюда! – крикнул ему Лаций. Раджа на противоположной стороне тоже стал что-то требовать от своих воинов, и те, уперев копыя в спины трём охотникам, столкнули их в пропасть. На этой стороне повисло ужасное молчание.

Старый житель деревни, который знал несколько слов на греческом, схватился за грудь и сделал шаг к краю. Он что-то говорил, а остальные с ужасом и страхом смотрели на него. Вдруг старик завизжал нечеловеческим голосом и выхватил из-за спины длинный нож. Его соплеменники поступили так же. Лаций не понял, зачем они это сделали, а когда увидел, что они рубят лианы, на которых висел мост, было уже поздно. Он кинулся к ним, пытаясь остановить, но его оттолкнули, сопроводив это характерным жестом ножа у горла.

– Эй, Патъя! Повернись назад! Схватись за верёвки! – успел прокричать он до того, как порвалась первая лиана. Грек действительно проявил чудеса изворотливости и повернулся в обратную сторону. Ему даже удалось проползти несколько шагов, но когда вторая лиана издала резкий хлопок и оборвалась, Лаций подумал, что теперь тому пришёл конец.

Однако несмотря на удар о стену, Патъя смог удержаться на обрывке моста и стал карабкаться вверх. То, что произошло дальше, заставило застыть от ужаса даже охотников. Когда юный грек добрался до самого верха, раджа взял копьё и, подойдя к краю, со всей силы вонзил его бедолаге в темечко. Даже на этой стороне был слышен хруст костей черепа, после чего безжизненное тело Патъя завалилось назад и вместе с копьём рухнуло вниз. Раджа и его воины потом ещё долго что-то кричали, угрожая им, но, судя по безразличным лицам охотников, те их не боялись.

В густом лесу они нашли несколько мест с влажной землёй, где стали рвать растения и раскрашивать себе лица и плечи. Лаций понял, что они собираются напасть на воинов раджи. Однако после этого ритуала охотники направились прямо в деревню. Там их ждали перепуганные жители и хмурые старейшины. Они долго разговаривали, сидя у костра и выслушивая по очереди всех, кто вернулся. Когда мужчины разошлись, главный старейшина подошёл к Лацию и сказал, что утром воины раджи обогнут на лодках выступ берега и войдут в рукав реки. К полудню они будут в деревне. Мужчины будут сражаться с ними.

Однако на следующий день раджа плыл дольше, чем сказал старик, и тридцать небольших лодок показались не утром, а перед самым закатом солнца. Увидев вдоль берега костры и людей с копьями, они остановились, видимо, не решаясь нападать в темноте. Лаций стоял рядом с пожилым охотником, который, как он теперь уже знал, потерял там, у моста, своего сына. Они молча смотрели на лодки и думали об одном и том же.

В каждом судне на борту находилось около двадцати человек. У них были копыя, мечи, щиты и даже луки. Жители деревни были обречены. У одного из костров кто-то громко вскрикнул – это один из молодых охотников случайно наступил на дымящуюся головешку и обжёг ступню. Лацию вдруг пришла в голову безумная мысль, и он схватил старого охотника за локоть.

– Эй, пошли, пошли! – настойчиво потянул он его к деревне. Тот, ничего не понимая, последовал за ним, спотыкаясь и оглядываясь назад. В деревне Лаций объяснил старейшине свой план, и тот с удивлением покачал головой.

– Да, мы можем это сделать, – произнёс седовласый мужчина после некоторого раздумья и сказал женщинам принести глиняные кувшины. Набралось около двух десятков. Их передали Лацию, и он объяснил всем, что надо делать.

Дождавшись глубокой ночи, они пошли к берегу и стали засыпать в сосуды угли и головешки из костров. Засунув за пояс пучки сухой травы, охотники сели в свои утлые судёнышки. До больших лодок раджи было шагов сто. Охотники тихо подплыли к ним и стали поджигать траву. Когда пучок разгорался, его перебрасывали через борт. Затем поджигали следующий

и бросали в другом месте. Лаций для верности прибавал копьем ещё один пучок горячей травы к борту.

В лодках раджи сразу же началась паника. Там не ожидали такого наглого нападения. Вместо того чтобы тушить ещё не сильно разгоревшееся пламя, перепуганные воины прыгали за борт вместе с оружием и сразу шли на дно. Те, кому удавалось добраться до берега, погибали от поджидавших их там жителей деревни.

Однако раджа оказался решительным человеком. Когда на его лодке загорелся огонь, он сумел заставить своих людей потушить его и приказал грести прямо к берегу. За ним последовали ещё три судна. Однако выбраться на песчаный берег удалось не всем. До отмели добрались всего десять воинов. Остальных настигли копья охотников ещё в воде. Раджа тоже был ранен, но неистово рвался в бой, крича и размахивая кривым мечом. Когда второе копье попало ему прямо в голову и воины увидели, что их предводитель убит, то развернулись назад, но их сразу же добила в спину.

Лаций поднялся на судно раджи и увидел там привязанного на корме человека. Подойдя ближе, он узнал в нём молодого жреца Апама. Разрезав верёвки, Лаций похлопал его по плечу и усадил на лавку у борта. Он не успел произнести ни слова, как сзади послышался плеск воды и кто-то окликнул молодого жреца по имени. Но тот не пошевелился, продолжая смотреть на Лация ровным спокойным взглядом. Только дрожащие пальцы, которые он всё время сжимал и разжимал, стараясь избавиться от немоты, выдавали его волнение.

Ничего не понимая, Лаций вскочил и перегнулся через борт. Там висела длинная верёвка, за которую обеими руками держался главный брахман. Подошедший старейшина племени тоже посмотрел за борт и, увидев старого жреца, нахмурил брови. Лаций остановил его жестом.

– Подожди! Давай спросим. Ты хочешь вытащить его из воды? – спросил он Апама. Тот посмотрел вниз и отвернулся.

– Если он его вытащит, будет плохо. Большой жрец его убьёт, – сурово произнёс старейшина.

– Может, тогда утопишь его? – снова спросил Лаций. Но и на этот раз ответа не последовало. – Ладно, кажется, я понял. И спасать не хочешь, и убивать не желаешь, – хмыкнул он. – Но мне он тоже не нужен. Если он нужен своим богам, тогда они научат его плавать, – с этими словами он перерезал верёвку, и обезумевший от страха священнослужитель забарахтался в воде, отчаянно зовя на помощь. Там было неглубоко, но, видимо, старик не умел плавать и вскоре захлебнулся. – Извини, я не бог, – проводил его коротким напутствием в последний путь Лаций и повернулся к Апаму.

– Ты – тигр, но в голове у тебя хитрый ум обезьяны, – сказал старейшина, оскалившись в беззубой улыбке. На это молодой жрец глубоко вздохнул и тихо произнёс:

– У каждого свой путь. Ты убьёшь меня?

– Убью? О, Юпитер всеильный, что же вы все сразу спешите в царство Орка! Мы что, на реке Стикс, что ли? Или я похож на Орка?

– Я тебя не понимаю, – смиренно произнёс Апам.

– Сначала один просит убить его, теперь другой, что за люди! – недовольно буркнул Лаций, видя, что жрец действительно ждёт от него решения своей судьбы. Ладно, послушай меня! – решительно произнёс он. – Ты свободен. Поплывёшь на одной из этих лодок обратно, в свою столицу. А я на другой к морю.

– Благодарю тебя! – поклонился молодой жрец. – Но ты не успеешь, – он грустно покачал головой. – Через день или два начнутся сильные дожди. Ты не доплывёшь, лодки потонут, – заметив на лице Лация недоверие, он повернулся к старейшине: – Скажи ему!

– Он прав, – кивнул тот. – Дожди скоро будут. Река большая будет. Много воды будет. Нельзя плыть.

– Если ты отпустишь меня сегодня, то я смогу вернуться сюда через половину лунного месяца. Я привезу тебе хорошую лодку с гребцами. На ней ты сможешь добраться до моря, – предложил Апам. Лацию не оставалось ничего другого, кроме как согласиться, и через некоторое время два десятка охотников уже гребли в направлении большой реки. Молодой жрец стоял на корме и задумчиво смотрел на удалявшийся берег. Там его провожали почти все жители деревни и странный высокий раб со шрамом на лице.

Ближе к вечеру рыбаки разложили на берегу большие костры и стали стаскивать туда трупы воинов. Охотники радовались, как дети, показывая друг другу мечи и ножи, а старейшины обсуждали новые лодки и ловлю рыбы. Один Лаций сидел в стороне и с тоской смотрел на небо, где, по словам жреца, собирались грозовые облака. Правда, он пока не знал, что радость этих варваров имела ещё одну причину, о которой он забыл, думая о возвращении к морю. Но теперь ему оставалось только набраться терпения и ждать.

ГЛАВА XVII. ДОЖДИ И БОЛЕЗНИ

Апам сдержал своё слово и вернулся. Но только через месяц, потому что дожди в этом году продолжались дольше обычного.

Первую неделю после столкновения с воинами раджи вся деревня жгла жертвенные костры и доедала те запасы еды, которые были найдены в лодках. Редкие дожди сначала не предвещали ничего страшного, но когда начались ужасные «барки», как их называли местные жители, Лацию стало понятно, почему надо было переждать их на суше: струи дождя прямо в воздухе превращались в сплошной поток, как будто с неба лил гигантский водопад. Вода была везде – в воздухе, на земле, в домах, и от неё невозможно было избавиться ни днём, ни ночью.

Лаций жил в доме старейшины, у которого была самая большая семья в племени. Несмотря на возраст, у него была любимая молодая жена и два сына-погодки – шести и пяти лет. Они подружились с Лацием, потому что тот сначала брал их с собой в лес за палками и тонкими стволами для крыши, а потом показывал, как обжигать кусочки глины и делать из них черепицу. Так они за неделю, прямо под непрекращающимся дождём, закрепили на крыше дома старейшины сначала палки, а затем сверху положили черепицу, после чего с пола впервые ушла вода и можно было разжечь ещё несколько костров.

Затем, от нечего делать, он стал лепить с детьми людей и зверей, помогая себе палочками и скребком, чтобы сделать маленькие фигуры для странной игры в клеточках, но старший сын старейшины оказался невероятно талантлив и вылепил столько зверей, что их потом хватило всем членам их большой семьи. Ради шутки Лаций показал ему статуэтку греческой богини, которая оказалась в мешках на одной из лодок. Сделав большую заготовку, он кивнул малышу, чтобы тот сделал Афину такого же роста, как и сам. К вечеру большая копия была готова. Лаций присел, чтобы посмотреть на неё поближе и не поверил своим глазам: на глине были нанесены мелкие детали одежды, складки, линии волос, брови, глаза, шлем и даже сандалии – всё, что и на маленькой статуэтке, но выглядело это почему-то намного лучше. Маленький скульптор даже вставил ветку вместо копья, стараясь добиться полного сходства. Разведя большой костёр, они обожгли её и показали сначала всей семье, а затем и остальным жителям деревни. Все хвалили ребёнка и кланялись старейшине.

К концу третьей недели они сделали ещё восемь фигур богов и одну большую – Зевса. Лацию особенно нравились его развевающиеся волосы и открытый в грозном крике рот.

И тут пришла беда. С гор спустился холодный воздух, и всё вокруг стало остывать – земля, вода, растения и хижины. Взрослые и дети начали болеть. Коснулось это и сыновей старейшины. Два дня они лежали на бамбуковых настилах, накрытые тряпками, с какими-то ритуальными кувшинами на голове. Вокруг ходили знахари и дикого вида женщины. Они подвывали тонкими голосами и бросали в воздух травы из прикреплённых к груди маленьких мешочков.

Но всё было тщетно – тела детей были горячими, они тяжело дышали и хрипло кашляли. На третий день бедолаги выглядели совсем плохо. Старейшина не отходил от них всё это время, и в его глазах была такая мука, что, обращаясь к нему, жители деревни старались не поднимать взгляд. Он видел, что его дети угасают буквально на глазах, трогал их безжизненно повисшие руки, гладил по щекам и плакал.

Видя, как тот страдает, Лаций подошёл и спросил его о молоке. Пожилой мужчина сначала не понял. После долгих объяснений позвали женщин, но ни у кого не было животных с молоком. Тогда Лаций попросил охотников племени пойти с ним и поймать козу или другое животное, у которого могло быть молоко.

Но жители деревни убеждали его, что ходить на охоту нельзя. В горах было холодно, но не было дождя. И все говорили, что оттуда никто не возвращается в это время. Люди боялись гнева богов. Их знахари предрекали беду. В конце концов Лаций решил идти один. Он связал петли из верёвок, как учил его ханец Бобо, взял два копья, мешок и нож. На выходе из деревни его догнал старый охотник, который потерял в ущелье сына.

– Брат плохо. Сестра плохо. Её сын плохо. Моя плохо, – коротко произнёс он и приложил руку к сердцу.

– Пошли, «моя плохо»! – смахнув с лица капли дождя, кивнул Лаций.

Они дошли до начала ущелья и с трудом поднялись на вершину ближайшего утёса. Потом долго карабкались по склону с осыпающимися мелкими камнями, задыхаясь от нехватки воздуха и тяжёлого подъёма. Дальше охотник показал, как им лучше спуститься к горной реке, чтобы дойти до того места, где могли прятаться козы. Почти до самого вечера они пытались найти на покрытых ледяным налётом камнях хоть какие-то следы, но всё было тщетно.

И вот перед самым заходом солнца Лаций увидел на фоне серого неба несколько медленно бредущих животных с загнутыми рогами. Они шли по самому краю скалы, один за другим, опустив головы вниз, как будто устали от дальней дороги. Его напарник замер, а затем стал вести себя так, как будто те могли услышать их на таком большом расстоянии, и поэтому шёл, пригнувшись и осторожно выбирая место для каждого нового шага.

Он привёл Лация к узкой тропе вдоль отвесной стены, где, как тот догадался, вскоре должны были появиться козы. Боги в этот день были благосклонны. В петли попали два больших животных и одно маленькое, но потом детёныш вырвался и, не удержавшись, упал с обрыва на камни. Охотник вернулся за ним на следующий день.

Этой ночью они с трудом донесли самца и самку до деревни, где старейшина приказал своей молодой жене делать то, что сказал Лаций. Мать больных малышей испуганно стала доить козу, постоянно косясь то на него, то на своего мужа. Сначала она не хотела этого делать из-за недовольно бубнивших в углу хижины двух старух страшного вида. Наверное, те были недовольны тем, что их не слушались.

Но старейшина оказался опытным и мудрым человеком. Он прикрикнул на женщин, затем кивнул жене, чтобы продолжала, и вскоре молоко уже грелось на огне в небольшом кувшине. За домом в это время освеживали козла и, вырезав кусок рёбер, занесли мясо в дом. Там его стали поджаривать на огне, собирая в чашку капающий жир. Лаций тем временем таскал вместе с сопровождавшим его охотником камни. Они клали большие гольши в костёр, один за другим. Пот катился по лицам вместе с висевшей в воздухе влагой, но они этого не замечали.

Когда молоко закипело, Лаций смешал его с жиром. Приподняв детям головы, старейшина и его жена стали поить их этой смесью – медленно и осторожно, стараясь не пролить ни капли. Это оказалось трудней, чем они ожидали, малыши кашляли и недовольно крутили головами, тяжело дыша и постанывая. Но старейшина был неумолим. Когда чашки опустели, его сыновей закутали в шкуры и надели на головы меховые шапки. Потом мужчины семьи стали палками вытаскивать из костра разогревшиеся камни и заталкивать их под настилы, на которых, тяжело дыша, лежали больные дети. Женщины в это время заталкивали в огонь новые валуны. К середине ночи все так устали, что уже не было сил даже двигаться.

В хижину пришёл старый охотник и сказал старейшине, что его женщины отказываются пить горячее молоко с жиром. Они быстро обменялись несколькими фразами и вышли. Лаций остался следить за камнями и время от времени менял их с полусонными и дрожащими от ночного холода охотниками. Дети всю ночь потели и стонали, как в бреду. К утру они успокоились, и Лаций провалился в сон прямо у стены, на сваленных в кучу ветках.

Его разбудили громкие крики. Они доносились снаружи. Испуганная молодая жена старейшины тоже проснулась и сразу кинулась к своим детям. Но те спокойно спали. Их лица

были покрыты каплями, но это была не испарина и не горячий пот, как раньше. Сам старейшина уже стоял за порогом и с кем-то разговаривал.

Оказалось, это пришли те жители, которые отказались давать своим детям молоко козы и согревать их в тепле. Некоторые из детей уже умерли, и теперь охотники и их жёны винили в этом Лация. Однако всё быстро изменилось. В тех семьях, в которых больные дети ещё были живы, взрослые быстро отгеснили крикунов в сторону и упали на колени перед старейшиной, прося его о чём-то. Они просили дать им молока и жира. Старик поделился, и женщины стали с благодарностью кланяться, касаясь лбом земли. Вскоре все они исчезли, а жалобщики так и остались стоять перед входом, тихо ропща и с ненавистью глядя на Лация. Однако глава племени накричал на них и прогнал, позвав на помощь мужчин своей семьи. Те вышли с палками и угрожающе приблизились к испуганным соплеменникам. Недовольные предпочли быстро уйти.

Дети выздоровели, и все были невероятно рады. Только у того охотника, который был с Лацием, радости на лице не было. Его сестра и мать умерли, не пожелав пить молоко с жиром, а маленький сын сестры выжил, потому что он сам поил его и грел, пока все остальные члены семьи, кашляя и теряя сознание, медленно умирали, лёжа вдоль стен ветхого жилища.

Через неделю погода улучшилась, а ещё через три дня на реке появились лодки. Апам сдержал своё слово и привёз гребцов. Однако помимо большой лодки он привёз ещё одежду, несколько служанок, еду, оружие и воду. В деревне быстро забыли о своих умерших собратьях и радовались тому, что новый раджа не стал наказывать их племя. Он даже прислал их старейшине копьё и щит, обитые золотом в знак мира и хороших отношений. Только рыбу они всё равно должны были каждый месяц привозить в столицу, как и раньше.

Апам рассказал Лацию, что новый раджа был из старого рода брахманов, поэтому его легко было убедить в том, что прежний главный жрец и раджа погибли из-за жадности и глупости. Этот правитель был благодарен Апаму за сохранённый договор с падишахом Васудевой и позволил взять лодки для того, чтобы отправить Лация к морю.

Более того, он разрешил Апаму сопровождать чужестранца до города Деметрия-Патала, а потом вернуться обратно. Но самой большой неожиданностью для совсем уже расчувствовавшегося Лация оказалась благодарность старейшины племени. Тот подвёл его к лодке и показал на десяток кожаных мешков на дне. Поверх них лежали глиняные боги, которых сделал его сын.

– Благодарю тебя! – Лаций прижал руку к груди и перелез через борт. Он наступил на один из мешков, и снизу раздался странный шуршащий звук, как будто там был песок. Лаций ткнул в него носком рваной сандалии и замер от неожиданной догадки. Такой тихий звон могло издавать только золото. Значит, это было то золото, которое украл у раджи Патья! Теперь оно лежало на дне лодки, в которой Лаций отправлялся навстречу своему спасению.

– Не надо много говорить, – произнёс старейшина. – Мы будем помнить тебя. Нам это не надо. Пусть это поможет тебе добраться до твоего дома!

Лаций только развёл руки в стороны и ничего не ответил. А на следующий день три больших лодки медленно отплыли от грязного берега и направились к водам большой реки. Там находились большие греческие города, и Лаций искренне надеялся, что на этом его злоключения закончатся.

ГЛАВА XVIII. СТАТУИ БОГОВ И ИСПЫТАНИЯ НА МОРЕ

Дорога до города Камбей осталась в памяти как постоянная смена душного, влажного дня и приятной прохладной ночи с тысячами звёзд над головой. Во время пути Лаций смог, наконец, поговорить с Апамом о золоте. Однако на предложение забрать его обратно и отдать новому радже, тот с ироничной улыбкой отказался.

– Мне дороже всего вот это, – произнёс он и достал из кожаного мешочка на груди маленький камень.

– Ух ты! Сохранил? Надо же! А я думал, потерял, – удивился Лаций.

– Ты подарил его мне! Этот камень редкой красоты. Он чистый и прозрачный. Я часто смотрю на него, когда мне трудно. И мне это помогает. Как тебе твой амулет, – он показал на чёрный круг у Лация на груди и заговорил о другом. – Завтра надо уплывать. В этом городе много плохих людей. Они ничего не делают, живут воровством и убийствами... и могут на нас напасть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.